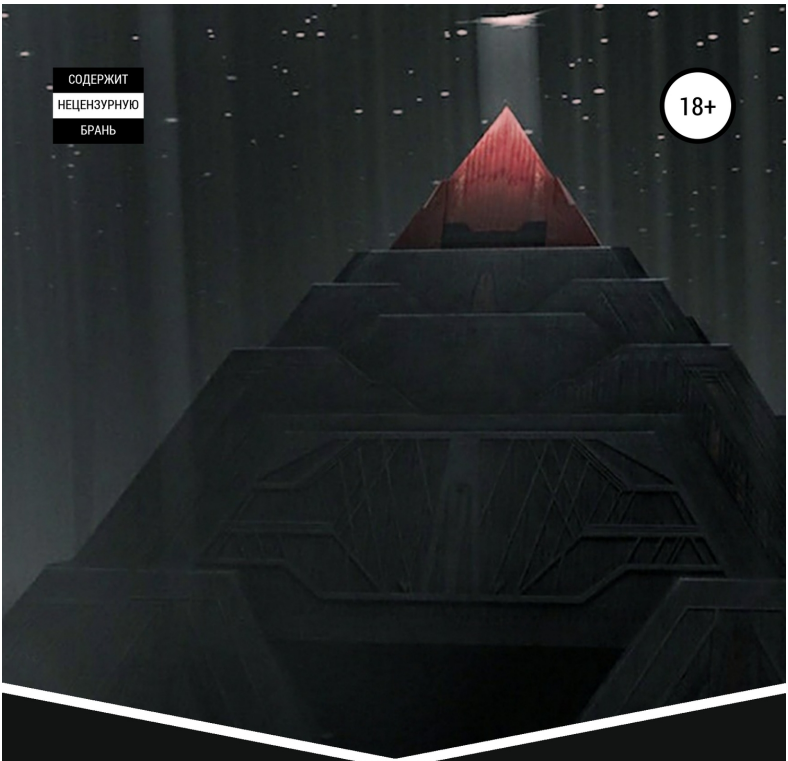

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Матвиенко
Ноктюрн: Симфония Ночи
Будущее ужасно

Михаил Матвиенко

Ноктюрн: Симфония Ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253339

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09720-9

Аннотация

Что ждет людей в будущем? К чему мы идем? Эта книга – предупреждение всему человечеству, самое правдивое и злое. Технократическое рабство и крах цивилизации людей под гнетом собственного невежества. Читая книгу "Ноктюрн", вы погрузитесь в технологический мрак и бездну ужаса, наполненную чудовищами, мутантами и враждебными инопланетянами, а также всеми кошмарами деспотичного тоталитарного режима. Вместе с главным героем вы сможете отправиться в незабываемое путешествие по ужасному и враждебному миру и расследовать все причины краха человеческой цивилизации. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	56
Глава 4	76
Глава 5	97
Глава 6	125
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Ночь тяжелым бременем на земле лежит
Струнами хрустальными, в душах страх звенит
Ликом страшным смерти скалится весна,
Жизнь нам в наказание – будь проклята она!

Глава 1

– Время молитвы! Время молитвы! – раздался крик полицейского, чей голос был приглушен химической маской, похожей на противогаз, надетый на лицо.

Я лежал в кровати, хотя мои братья уже встали и спешно одевались. Тут ко мне подошел полицейский и сверху нанес мне удар прикладом дробовика в живот, лежа на кровати я скорчился от боли. Где-то вдали комнаты стоял мой отец и молча смотрел за происходящим. Я не мог пошевелиться, и тут же получил еще один удар прикладом прямо в висок. Моя голова откинулась назад, я почувствовал струйку крови сочащуюся из рассеченной кожи.

– За что ребенка то бьете? – закричала моя мать и кинулась на полицейского схватившись руками за дробовик.

Полицейский оттолкнул мою мать с такой силой что она отлетела от него на несколько метров и упала на пол. Немного собравшись с силами я спешно встал с кровати и подошел к стене где висела моя рабочая одежда, похожая на комбинезон, только рубашка была прикреплена к штанам на молнии, чтобы в жару ее можно было снять.

– Одевай быстрее! – заорал на меня полицейский.

Я спешил как только мог, от этого зависело буду я избит или нет. Быстро одевшись, мы всей семьей вышли на улицу и отправились в церковь на молитву. А полицейские в наше

отсутствие принялись обыскивать нашу квартиру. Рукавом рубашки я вытирал кровь стекающую по моему лицу, на себе я ловил испуганные взгляды двух моих братьев.

Примерно так начинался каждый выходной. Работали мы по шесть дней в неделю, по десять часов в сутки, все мы, всей семьей. Дети должны были работать начиная с 12 лет – вот я и работал уже год. Мои старшие братья работали пять лет.

Наш рабочий квартал был недалеко от церкви, идти было около двадцати минут. Все по пути было как в тумане, как в белене, окутанной болью и мраком страданий. Двухэтажные трущобы, с выбитыми окнами, из которых валила копоть, белевые веревки висевшие во дворе домов, и повсюду бродили люди измотанные работой, некоторые падали не землю от бессилия. Все тут, в нашем районе носили грязные рабочие фуфайки, насквозь проеденные сажей и копотью, новые фуфайки правительство выдавало редко, посему шахтерам было особенно тяжело, они ходили грязные с ног до головы, вода здесь надо сказать тоже была большим дефицитом, посему мылись люди очень редко. Неба как такового не было видно, я знал что небо должно быть синим, кажется видел на какой-то картинке, но все что мы видели с самого детства была серая химическая дымка, заволакивающая собой весь небосвод. Где-то вдалеке, у самого горизонта гудели заводы, из огромных труб вверх валили черные столбы дыма. В нашем квартале был вечный сумрак. Ночью вообще становилось настолько темно что, практически ничего не было вид-

но, холода по ночам были страшные. Если днем было совсем тепло, если не сказать жарко, особенно невыносимо было, в северном квартале, где был завод по переплавке металла, который действовал как огромная печь, то ночью иногда было настолько холодно, что под утро вода в лужах замерзала и покрывалась ледяной коркой.

Скоро мы дошли до церкви. Церковь была названа в честь американской певицы Кэти Перри, в этой церкви были захоронены мощи певицы Кэти Перри. Певица Кэти Перри была убита за то, что занималась проституцией, причем занималась проституцией она с самого детства. Ее настоящее имя было Кэтрин Элизабет Хадсон, вначале данная падшая женщина прославилась тем что публично занималась проституцией с бездомными, а потом решив стать певицей взяла псевдоним Кэти Перри, но заниматься проституцией не прекратила. Мы все считали, что церковь назвали именем этой падшей женщины, специально чтобы унижить прихожан. О да, вот это здание было величавым, не таким убогим как наши рабочие кварталы. Я почти не видел в детстве высоких зданий кроме церкви и здания завода, где я работал. Церковь была хоть и не новой, но работы по ремонту там велись постоянно. Стены церкви были выкрашены в ядовитый желтый цвет, а купола были зелеными. Не могу сказать что мне было по вкусу данное архитектурное строение, но на тот момент я ничего более величественного и грандиозного не видел, и посему восторгался и ходил в церковь с некоторым удоволь-

ствием. У входа в церковь стояли двое полицейских с собаками одетыми в намордники. Огромные псины не унимались и лаяли на людей, входящих внутрь. Как только мы подошли ко входу полицейский, одетый в стандартную форму: черный комбинезон и респиратор, заорал на нас:

– Быстро показывайте свои номера и не задерживайтесь.

Каждый из нашей семьи протянул руку с прикрепленной к ней металлическим браслетом. Полицейский тот час же провел компактным сканером, который он держал в руке по браслету каждого из нас. Сканер одобрительной запищал.

– Проходите! – сказал полицейский.

Это была стандартная процедура, именно так власти следили за тем, чтобы все люди ходили в церковь, номера каждого человека заносились в специальную базу, поэтому если кто-то не приходил на службу, власти тут же об этом узнавали и применяли к нарушителю серьезные меры. Лишь только мы зашли в церковь, и ступили внутрь храма, как позади себя я услышал крики и стоны.

– Ах ты старая Тварь! – заорал один из полицейский на пожилого человека, который закрывал лицо руками.

И тут же в старика полетел удар дубинкой, затем еще и еще. Старик свалился на землю, а полицейский начал его запинывать ногами.

– Получи, получи! – орал полицейский пиная беспомощного старика, – в следующий раз скотина будешь на службу приходить вовремя.

– Эй, – сказал второй полицейский, обращаясь к своему товарищу пинавшему старика, – хватит, остановись, ты убьешь его.

– А на кой черт он нужен, все равно работать уже нормально не может! Так еще и в церковь на службу, пришел не в свою смену. Его смена была в десять часов. А он пришел в одиннадцать. Видимо проспал, дурак старый! Ну и поделом ему.

Старика избивали, потому что он, по каким то причинам пришел на службу в чужую смену. У каждой группы людей тут была своя смена, в которую они должны были ходить в церковь на проповеди. Мы должны были ходить в одиннадцать часов утра, другие в двенадцать, ну и так далее. Опаздывать было нельзя, за каждое опоздание начислялись штрафные баллы. У нашей семьи уже было два штрафных балла. Я как-то заболел на работе и не смог выполнить дневную норму производства картонных коробок. Нам начислили два штрафных балла и приставили к нам усиленную охрану полицейских, которые следят за нами регулярно, чтобы мы и не думали нарушать правила, именно эти полицейские будили меня сегодня утром. В общем два штрафных балла на семью это не страшно, это вроде как просто вводят за тобой усиленный контроль и следят за каждым шагом, и так в течении трех месяцев, страшнее если кто-нибудь из семьи тоже заработает штрафные баллы. Вот если сумма штрафных баллов на семью достигнет семи, то тогда будет самый

настоящий ад: всем урежут продовольствие и заставят работать на износ по двенадцать часов в сутки, без выходных. А это равносильно смерти, больше трех месяцев на таком ритме работы никто не выдерживал, все умирали. У семьи набравшей семь баллов штрафа, есть только один путь к спасению, дотерпеть до окончания года, потому что по окончании года все штрафные баллы списываются. Но не так то это просто, как только урезают рацион, сразу же чувствуешь слабость и головокружение, и тут поэтому очень легко сделать хоть мельчайшую ошибку: либо опоздать на работу, либо из-за слабости не выполнить суточную норму производства продукции на заводе, да мало ли чего еще, тут штрафные баллы дают за малейшую повинность, хоть зазевайся на работе и нечаянно натолкнись на полицейского который патрулирует периметр, и все. За распределением баллов никто не следит, все стоит на усмотрение полиции, а именно главы полицейского участка: ему приходит жалоба, и он тут же начисляет штрафные баллы. Как все просто. Поэтому у полиции власть в рабочих кварталах абсолютная.

Полицейский продолжал пинать старика, старик валялся пытаясь защитить голову руками.

– Ну все, хватит уже, успокойся, – сказал полицейский со сканером, смиренно смотрящий, как на его глазах избивают пожилого человека, – эй, дед, все, вставай и проходи в церковь, – сказал он обратившись к старику.

Старик попытался встать, но не смог, и снова упал на зем-

лю, затем снова опершись руками о землю попытался подняться, из его рта текла кровь а лицо выражало невыносимые страдания, но и вторая попытка встать не возымела успеха. А это было уже плохо.

– Что ты сделал, ты кажется ему сломал ребра! Как он теперь будет работать? – обратился полицейский со сканером к своему товарищу, – теперь только один путь – добей этого ублюдка, да вызови санитаров чтобы забрали труп.

Второй полицейский подошел к старику и занес свой тяжелый ботинок над его головой. в глазах старика я увидел неопиcуемый ужас, от неумолимо надвигающейся ужасной смерти, но в то же время в глазах его было что-то вроде умиротворения от того что эта земная жизнь полная боли и мук наконец-то закончится. Ботинок занесенный над стариком, с силой опустился уму на голову. Послышался глухой удар. Затем еще и еще раз. Из черепа старика потекла кровь, образовав небольшую лужу темно красного цвета которая стремительно расширялась. Полицейский наносил удары ногой по голове, пока череп старика основательно не деформировался и не было ни у кого уже никаких сомнений в том, что он мертв.

Я огляделся по сторонам и увидел на лицах людей странное недоумение, а на лицах детей что то вроде интереса, кажется им было не столько страшно, сколько любопытно и даже весело. Лица людей, смотревших на это зрелище меня напугали больше чем смерть старика. Ведь не то было страш-

но что убили человека, а то что избиеение и смерть старика занимали людей.

– Расходитесь! Что столпились и смотрите! Рассаживайтесь по вашим местам! – заорал на людей полицейский совершивший убийство.

Мы стали продвигаться в глубь церкви. Для каждой семьи тут были определены свои места. Большую часть церкви занимали старые и в меру почерпанные деревянные скамейки, наши места были в самом центре зала, к ним мы и стали пробираться. Стены церкви были расписаны сценами из библии. Были на стенах нарисованы и ангелы с огненными мечами, и библейские пророки, и много всего. Но вот самого бога нигде нарисовано не было, и вот поэтому меня всегда мучил вопрос: как же все-таки выглядит могущественный бог, которому мы все служим. В самой дальней части была возвышенность, на которой располагалась кафедра с Алтарем. Задняя стена церкви, перед которой был Алтарь была украшена прибитым к ней деревянным крестом на к которому были прибита фигура распятого человека с терновым венком на голове. Как я уже успел узнать, это был Ешу, сын Бога, который умер за наши грехи. Рядом с Ешу висел портрет Императора.

Мы прошли к нашим местам и сели в ожидании священника, который должен был вскоре предстать перед нами, чтобы читать очередную проповедь. Два моих брата смиренно сидели на своих местах смотря куда-то вперед и в то же вре-

мя в пустоту, отец и мать тоже сидели и смиренно и ждали начала проповеди. А я оглядывался по сторонам. Медленно церковь заполнялась людьми, сюда приходили рабочие семьи, по одежде каждого можно было сразу знать кто кем работает. Сюда приходили шахтеры, в грязных телогрейках, рабочие с литейных заводов в испачканных и по долгу не мытых комбинезонах и рабочие с механических заводов, чьи лица и одежда были перепачканы в мазуте. Детей было не так уж и много, ибо дети здесь были не желанны и трудно было их воспитывать, многие дети просто рано умирали, ибо призванные работать в раннем возрасте не всегда справлялись с нагрузками. Два ребенка в семье было большой редкостью, а три, так это уж вообще феномен. Поскольку в нашей семье было три ребенка, то все не нас смотрели искоса и все нас недолюбливали, мою мать часто называли ведьмой, и обвиняли ее в том что она вступила в сговор с Дьяволом. Не знаю почему со стороны других жителей к нам было такое отношение, возможно, просто завидовали что в нашей семье из детей никто не умер, а возможно им просто нужен был объект для ненависти, я не знаю, мне трудно судить.

И вот когда зал церкви наполнился, и полицейские закрыли входные ворота, а сами зашли внутрь, на трибуну взошел священник, одетый в черный балахон, его длинная борода такого же смоляного черного цвета, как и его одежда, свисала до живота. И тут мертвая тишина была нарушена лаем собаки, которую один из стерегших нас полицейских держал на

поводке. Но тут же собака получила удар дубинкой по ребрам и умолкла.

Священник оглядел нас всех и сухим голосом, в котором одновременно сочетались презрение и чувство собственного превосходства, начал свою речь:

– Бог, вас любит! Вы дети бога, и должны выполнять его законы, законы написанные для людей. Помните, вера в бога – это еще не все, главное служение нашему Императору – божьему помазаннику на земле. Вся власть от бога, и служа Императору, вы служите богу! Все, те кто смиренно служат при жизни, после смерти войдут в рай и получит царствие небесное! Конечно если не поддастся искушению Дьявола! А есть тут среди нас те, которых Дьявол искушает!

И тут священник посмотрел на меня.

– Номер тринадцать В, выйди сюда.

А вот так меня зовут, тринадцать В, это мой номер, а В, это маркировка квартал где я живу. Мою мать зовут 16 В, отца 34 В, двух братьев 14 и 16 В. И как только священник призвал меня выйти я ощутил леденящий душу страх, и продолжал сидеть на месте и смотреть на него.

– Что же ты сидишь? Бог тебя вызывает, подойти! Или Дьявол тебе дороже Бога?

При слове Дьявол все прихожане церкви тут же бросили свои злобные, полные ненависти взгляды в мою сторону, казалось в их душах было столько ненависти, что, прикажи им, и они тут же разорвали бы меня на части. И тут я услышал

шепот моей матери:

– Сынок, выходи, иначе будет хуже.

Я в нерешительности встал, и начал пробираться к кафедре священника. Как только я проходил мимо сидящих людей, я видел их полные ненависти глаза. Тут кто то и сидящих рабочих меня толкнул, я чуть было не упал, но пошел дальше, кто-то плюнул в меня, кто пожелал мне смерти. Везде и повсюду я слышал слова обращенные в мой адрес : «чтобы ты сдох, дитя Дьявола» «гореть тебе в аду». Мне было страшно в то время, очень страшно, я не понимал за что все меня так ненавидят, но шел вперед. И как только я подошел к кафедре священника, он посмотрел на меня и голосом полным ненависти спросил:

– Веруешь ли ты в Бога?

– Верую, – ответил я.

– Лжешь скотина, дьявольское отродие! – взревел священник и тут же отвесил мне пощечину, да так сильно что я упал на пол, и от страха и обиды из глаз моих потекли слезы.

– У тебя два балла штрафа, ты плохо, работал, а значит в тебя Дьявол! – заорал на меня священник.

– Нет, простите меня! – слезно взмолился я, – я не смог выполнить норму на работе, потому что плохо себя чувствовал, простите меня, умоляю.

Но священнику было наплевать на мои мольбы. Он простер руки вверх и закричал обращаясь к толпе людей сидящих в церкви:

– Что мы сделаем с этим Дьявольским ребенком?

– Накажем! Накажем! Наказать его! – раздались кроваво-жадные крики с мест.

– Полиция! – призвал священник полицейского стерегшего выход из церкви.

Полицейский, держа на коротком поводке собаку подошел ко мне. Я в страхе замер.

– Двадцать ударов! – закричал священник.

Толпа одобрительно взвыла. Полицейский занес надомной дубинку и со всей силы ударил меня по спине.

– Раз, – закричала толпа рабочих.

Я вскрикнул от боли. И тут на меня лежачего обрушился второй удар, который пришелся прямо по затылку.

– Два, – закричала толпа.

Я поднес руки к голове, пытаюсь закрыться. Третий удар пришелся мне по почкам. Четвертый снова по спине. Все перед моими глазами поплыло, я старался лишь не потерять над собой контроль и закрывать голову руками. Далее я уже почти ничего не чувствовал, лишь помню, как в тумане, словно приглушенные через толстую стену боли, крики:

– Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать.

После этого я потерял сознание. Очнулся я от толчка чьей-то ноги в бок, я открыл глаза и посмотрел вверх. Надомной стоял священник и двое полицейских.

– Живой, собака, – процедил священник сквозь зубы, – а ну давай вставай и убирайся отсюда!

После это он пнул меня в живот, да сильно, что к горлу подступил приступ тошноты. Я собрал все свои силы чтобы встать, но ребра у меня болели, и голова кружилась, и казалось ноги и руки меня не слушались. Я напряг мышцы но ничего не получилось. И тут я мгновенно вспомнил, что бывает с теми, кто не встает. Страх дал мне силы, и вновь собравшись, я кое-как опершись руками о мраморный пол, поднялся на ноги и заковылял прочь. Меня качало из стороны в сторону, перед глазами стоял туман. Оглядевшись по сторонам я увидел, что церковь пуста, никого не было кроме моей семьи. Они все сидели на своих местах, застыв в ужасе боясь шевельнуться.

– Заберите это ваше отродье домой, – заорал священник.

Ко мне спешно подошел отец и взвалив мою руку ему на плечо, поддерживая меня помог мне шагать к выходу. За моей спиной залаяла полицейская собака, но тут же ее лай оборвал голос полицейского, приказавшей ей молчать.

– Поторапливайтесь, – закричал священник, – скоро придет следующая смена прихожан.

Мы с отцом ускорили шаг. Два моих брата поспешили за нами. Домой дойти мне удалось с большим трудом, я почти не мог идти, спина болела, а ноги не слушались. Но так или иначе мы добрались. Обессиленный я зашел в нашу комнату и лег к себе на кровать. Стянув с себя мою рабочую рубашку я увидел что со спины она вся пропитана кровью.

– Вот видишь, что ты наделал, – сказал мне отец, – из за

тебя мы получили штрафные баллы и теперь вся наша семья, в под ударом.

– Да, от тебя одни проблемы, – сказал мой старший брат, с упреком.

Мне нечего было ответить, я стиснул от боли зубы и повернулся лицом к стене. Из рассеченной кожи на моей спине кажется все еще продолжала течь кровь.

– Нужно, обработать тебе рану, – сказала моя мать, – не засыпай пока.

Она подошла, к небольшому шкафчику стоящему у входа, и достала оттуда тряпку, затем порвала ее на несколько длинных полосок, изготовила некоторое подобие бинтов, затем подошла к большой железной фляге, где у нас хранилась вода и смочила тряпку. После этого мать подошла ко мне и протерла мне раны водой, а затем сделал мне перевязку. Бинты сидели так неудобно, опоясывая меня, кажется мешали дышать, и при каждом вздохе терлись об раны. Но через несколько минут я привык. И теперь вот так вот лежа на кровати, смотря на стену я чувствовал за своей спиной недовольные взгляды. Да комната то у нас была небольшая, да и наши то кровати стояли почти вплоты, на кирпичных стенах висели четыре иконы, из мебели был только деревянный шкаф, в котором хранилась наша одежда. Вот и все. Вот так тут жили все. Был день, и скоро должен был быть обед. Обедом в выходной день нас кормили довольно просто. В определенное время к каждому дому подъезжала продоволь-

ственная машина, затем мы подходили к машине с железными мисками, в миски нам наливали еду. Двое полицейских приставленные к каждому дому следили за порядком. Вначале пищу получали живущие на первом этаже барака, а после к машине с едой выходили жители второго этажа. Поскольку мы жили на первом этаже, то мы были в очереди первые. Спустя некоторое время послышался гудок машины, подъехавшей к нашему подъезду – это означало что настало время кормёжку. Моя миска для еды стояла под кроватью. Я, перевернулся на кровати и начал предпринимать движения, чтобы до нее дотянуться. Но это было не просто, все мое тело болело от страшных ударов, во рту я чувствовал привкус крови. Но как бы тяжело мне не было, я должен был выйти за едой сам, никому из жильцов не разрешалось получать еду за кого-то другого, каждый должен был выйти сам. Не получить еду тут означало страшную беду, без еды можно было ослабнуть, и не выполнить норму производства на работе, а это штрафные баллы, а впоследствии и возможная смерть. Превозмогая боль, я потянулся за миской, нащупав ее рукой под кроватью, я потянул ее к себе. Миска было довольно старая и помятая со всех краев, не помню сколько лет она уже мне служила, довольно долго. Миски для еды тут тоже значили много, потерять миску было нельзя, потому что новую выдадут лишь по прошествии некоего времени, а если миски нет, то порцию еды будут наливать в руки. Тут все было строго, очень строго, и вся эта строгость очень походила на

самые жуткие издевательства, как мне уже казалось в то время, хоть я еще не понимал кто я, и где нахожусь, но что-то внутри меня давало толчок к тому чтобы сказать себе, что все что здесь происходит не правильно. Взяв миску в руки, я встал с кровати и заковылял к выходу из нашей комнаты. Два моих брата уже вышли.

– Тык как сможешь идти? – спросила у меня мать.

– Да, наверное, – ответил я более или менее спокойным голосом.

Отец подошел ко мне и закинув мою левую руки себе за плечи помог мне передвигаться, поддерживая меня и передвигаясь со мной к выходу мелкими шагами. Когда мы вышли из нашей комнаты, я увидел всех соседей стремящихся к машине за едой. На меня все бросали недовольные взгляды. Несколько рабочих, прошедших около меня, презрительно плюнули мне под ноги. Мы с отцом вышли из подъезда барака и встали в очередь у машины. Полицейские с собаками стояли у дверей багажного контейнера машины, и следили за порядком. Два моих брата уже подошли к машине, и им в миску наливали вязкую похлебку. Когда они получили еду, они побежали обратно в нашу комнату. А перед нами с отцом стояло человек десять, поэтому надо было еще немного подождать, но мне уже очень сильно хотелось есть, а запах пшеничной похлебки будоражил мой голодный желудок. За нами с отцом в очереди стояла мать, и тоже смиренно держала в руке миску дожидаясь своей очереди. Рабо-

чий который стоял перед нами держал за руку своего сына десятилетнего сына, который постоянно вертелся и кричал. И тут они обернулись и рабочий, которого звали 45 В, сказал обратившись ко мне с отцом:

– Вы одержимы Дьяволом, вся ваша семейка не верит в бога, вы грязные люди! – сказав это он засмеялся.

– Нехристи! – закричал его сын.

Другие рабочие стоявшие в очереди обернулись, услышав его слова и презрительно посмотрели на нас. Кто-то из детей стоящих впереди подобрал с земли камень и кинул в меня, попав мне в живот.

– Молись богу, нехристь! – закричал он, а после этого все люди в очереди надо мно засмеялись диким хохотом.

– Семейка грешников! – сказал кто-то из рабочих смотря на нас.

– Да им бы только грешить, а работать они не хотят, бездельники! – сказал кто-то другой.

В этот момент мне стало очень страшно, я почувствовал себя слабым и беззащитным и мне страшно захотелось убежать из этого страшного места, от этих злых людей, убежать куда-нибудь далеко-далеко, в другую страну, в другой мир.

Постепенно подошла наша очередь. Мы подошли к заднему багажнику машины, в котором стоял человек, наливавший всем еду в миски. Сначала еду налили в миску моего отца, затем я протянул свою, работник машины, сидевший в грузовом отсеке опустил поварешку в котел с едой и налил

мне похлебку. Но как только похлебку налили мне в миску, кто-то стоящий сбоку сильно меня толкнул, и не удержавшись на ногах я упал на землю, разлив свою порцию еды.

– Ах, ах, ах, ха-ха, – слышался дружный смех рабочих и из детей, стоявших в очереди.

– Это бог тебя наказывает за то что ты грешник! – крикнул кто-то из очереди, и тут же все одобрительно засмеялись.

Тут кто-то крикнул моей матери, стоящей за мной:

– Грешница! Ты воспитала ребенка грешника! Вся ваша семейка грешников! – и тут же в толпе слышались одобрительные возгласы.

А полицейские стояли молча по бокам грузового отсека машины и за всем наблюдали, и казалось им не было дела до происходящего. Я поднялся на ноги, взял с пола миску и снова протянул ее рабочему наливавшему еду.

– Уходи! – закричал он, – ты пролил свою порцию, поднимай с земли если хочешь!

Но похлебка вся растеклась и перемешалась с грязью, поэтому собрать ее обратно в миску не было возможным.

– Давай проходи быстрее, не задерживай очередь! – заорал на меня полицейский.

Я вышел из очереди и стал ждать пока отец и мать получат свою порцию. Разумеется я знал что они поделятся со мной похлебкой. После того как они получили еду, мы все вместе отправились обратно в комнату, там сидели два моих брата, которые уже доели свою порцию еды и собирались пойти на

улицу погулять.

– Мы на улицу, – сказал мой старший брат.

– Хорошо! – сказал отец.

Я сел на кровать. Отец и мать отлили мне в миску часть своей похлебки и я принялся есть, ложек тут не было, поэтому похлебку пили прямо из краев миски. После того как я закончил есть и немного подавил чувство голода, уставший и обессиленный, подавляемый грустью и отчаянием я лег на кровать и уснул.

Вот что значило получить два штрафных балла, я не думаю, что мне стоит объяснять, почему семь штрафных баллов было равносильно смертному приговору. Скажу лишь, что многих из тех, кто набирал много баллов забивали на улицах их же соседи по дому. Унижать и угнетать штрафников-грешников было единственным развлечением рабочих в выходные дни. Никого не мучила после этого совесть, ведь священник разрешал устраивать расправу над одержимыми дьяволом, и людям это даже нравилось. Служить богу, вот была всеобщая задача, только служба богу, и смиренно работая на Правителя можно было спастись. Всех кто служит богу, и является праведником – бог спасет, ведь бог нас любит. А тех кто отступит от правил бога – бог сурово покарает.

Рабочие дни текли тихо и размеренно. Утром люди выходили на работы, тридцать минут в течение рабочего дня давалось на обед, обедали в общих столовых, затем снова возвращались на работу, после рабочего дня людей заводили в

столовую и снова кормили. После этого все отпускали домой. Приход на работу строго контролировался путем регистрации электронного кода на браслете. Поэтому не придти на работу было не возможно.

Я вместе с моими двумя братьями работал на картонной фабрике, мы делали коробки. Работа скажу я не самая тяжелая, здесь в основном работали дети, это уже позже, по наступлении восемнадцати лет, детей переводили на тяжелые отрасли производства, в цеха и на заводы. А тут проходило наше детство. Сидишь целый день у конвейера, по которому направлены картонные пласты, затем берешь эти пласты с конвейера и собираешь из них коробку, в течение каждого часа проходит контролер и забирает собранные коробки, которые ты складываешь возле себя, и ставит в рапорте норму выработки. Вокруг тебя тоже сидят дети разных возрастов и работают, никто ни с кем не разговаривает, каждый погружен в свои мысли. На серых стенах нашего цеха, всегда висят иконы и портрет Императора. С утра коротаешь время тем, что ожидаешь обеда. Как только я делал коробку и клал ее возле себя, я поднимал свой взор на иконы и молил бога о прощении моих грехов – так велел делать священник. Затем когда ко мне на конвейере подъезжали следующие картонные части коробки, я снова принимался за работу. Обычно к обеду ноги мои полностью затекали и невыносимо болели, поэтому поход в столовую воспринимался как великое облегчение. Затем после того как обед заканчивался все снова

шли за свои рабочие станки. Ежесекундно со стены на нас смотрел Правитель, вернее его огромный портрет. Священник говорил, что правитель наместник бога, и тоже путем божественной силы за всеми нами наблюдает. Хоть по воскресеньям священник уверял что Правитель нас всех любит и думает о благе каждого, мне его взгляд почему-то добрым не казался, хоть я в молитвах и обращался к святому правителю, как велел священник, и молил его простить мою грешную душу, меня всегда почему то пугали его глаза, они были какими-то пустыми и в них читалось что-то вроде отвращения. Хотя тогда в детстве я еще даже не знал такого слова, но уже даже тогда, инстинктивно чувствовал в правителе что-то не доброе, хотя я и гнал от себя прочь эти мысли, поскольку считал их греховными. Ведь правитель на земле исполняет волю бога, а значит он тоже как и бог, нас всех любит, а все сомнительные мысли священник называл греховными, поэтому чтобы спасти свою душу и попасть в рай, я гнал от себя все сомнения прочь, и молил бога простить меня, за то что я осмелился сомневаться. Когда рабочий день подходил к концу, и мы должны были идти в столовую чтобы поесть, все станки выключались, и в зал заходили помощники священника – настоятели. А это значило что наступало время вечерней молитвы. Все мы выходили из-за наши рабочих станков и становились на колени. Настоятели читали молитву, а все мы должны были за ними повторять в унисон. Надо сказать что настоятели были одеты схожем образом со

священником, такой же балахон черного цвета, но что их отличало, так это то что бороды у настоятелей были короче чем у священника. Молитва проходила под неустанным контролем полицейских, все мы должны были стоять на коленях, и держать спины прямо. Все те, кто сутулились во время молитвы, или допускали какие-либо посторонние движения, тут же получали удар дубинкой по спине. В молитве мы обычно благодарили бога за еду, и за то что он дает нам возможность служением искупить свои грехи. После того как молитва заканчивалась, нас вели в столовую, там кормили, а после этого отпускали домой. Вот и весь рабочий день. После такого рабочего дня, когда я приходил домой, сил ни на что не оставалось, конечно хотелось и погулять, побродить по кварталу, но как правило такая роскошь выпадала нам только в выходной день, а в будни, когда приходишь домой, то сил с трудом хватает на то чтобы добраться до кровати. Следующий день тянется точно также. Вот и вся жизнь рабочих в рабочем квартале.

Временами вот так вот идешь с работы, смотришь на небо, затянутое серой дымкой и думаешь: «а что же есть за нашим рабочим кварталом, как там живут люди за горизонтом», да и надо признаться что я даже не знал насколько большой наш квартал, что там и говорить, я не знал ничего на счет того насколько большой или маленький этот мир. Вот так и думал, что эти бараки, переплетающиеся с заводами, тянутся и тянутся уходя за горизонт и опоясывают собой землю, а

где-то там далеко сидит Правитель, который все знает и все видит, ведь именно этому нас учили, и за всем наблюдает. А еще выше, где-то на небе сидит бог, который нас всех любит и ставит на земле своих правителей, которые помогают нам искупать грехи работой, а еще я думал, что бог с нами разговаривает через священников, которые называли себя гла-сом божьим. Примерно так я думал о мире, и даже боялся сомневаться ведь это было грешно. За сомнения в боге и его справедливости и всеобщей любви можно было попасть а ад и обречь себя на вечные муки. Какой сейчас год я не знал, да и особо не думал о времени и датах, тогда для меня дат и все временное разграничение у меня укладывалось в понятие рабочего дня и семи дней в недели. Что было в прошлом я тоже не знал, я думал что всегда так было, что существова-ли рабочие кварталы, где люди работали, а за порядком сле-дил бог. Возможно я бы и прожил так всю свою жизнь, но примерно через месяц после того как меня избили в церкви в жизни моей произошли изменения.

В Воскресное утро к нам в комнату ворвались полицей-ские, с ними был какой-то человек в белом халате, украшен-ном красным крестом. Примерно такие халаты носили ме-дики, к которым нас водили в лазарет, когда кто-то заболе-вал. Но этот отличался от наших медиков, потому что крест был гораздо больших размеров и был вышит не на рукаве, а проходил вдоль всего халата, да и к тому же мне его лицо не было знакомо. Полицейский подошел к моей кровати и еще

сонного схватил меня за руки и подтащил к себе. Я невольно вскрикнул. Полицейский отвел меня к человеку похожему на медика, который начал пристально на меня смотреть. Вначале он осмотрел мои руки, затем приказал мне открыть рот и посмотрел на мои зубы. Затем то же самое сделали с двумя моими братьями. Родители уже проснулись и в испуге смотрели на происходящее.

– Этих двух возьмем, – сказал медик полицейским, указывая на меня и на моего старшего брата, – кажется они вполне здоровы и подойдут нам.

Далее нам с братом было приказано одеваться. Когда отец спросил куда нас ведут, то тот час же получил ударом приклада дробовика в живот. Я понял что дело не шуточное, но страха не было, ведь я знал что за всем наблюдает бог, который хочет нам только добра. Когда мы с братом оделись, полицейские вывели на во двор, во дворе нас уже ждала черная полицейская машина, окна которой были закрыты металлическими решетками. Двое полицейских сели на передние сиденья, а нас вместе с медиком посадили на заднее. Я никогда раньше не ездил в полицейской машине, поэтому если бы не грубое обращение, то происходящее я бы вполне мог воспринять как приключение, или что-то увлекательное. Но интуиция подсказывала мне что тут происходит что-то не доброе. Полицейский, сидящий впереди надавил на педаль газа и машина тронулась с места. Мы поехали вдоль рабочих кварталов. Я смотрел из окна машины на бараки в кото-

рых жили люди, и на трубы заводов, громоздящиеся на заднем фоне. После того как мы проехали картонную фабрику где я работал, я был весьма поглощен любопытством, потому что никогда раньше в жизни я не заходил дальше этого места. Мы проехали несколько кварталов однообразных трущоб, далее выехали на асфальтированную дорогу, и машина уже поехала быстрее. Я с заднего сиденья смотрел в лобовое стекло, и вот вдоль дороги с по которой мы ехали трущобы закончились и дорога начала подниматься на возвышенность, вдоль которой были железные перегородки, посмотрев в боковое стекло я увидел что мы заехали на мост. Под мостом проходила железная дорога, делящаяся на несколько веток и уходящая куда-то вдаль. Под самым мостом вдоль одной из веток стояли поездные контейнеры, в которое люди загружали какие-то ящики. А по бокам железной дороги росли деревья. Скорее даже не деревья, а целый лес, раньше я никогда не видел столько деревьев в своей жизни, и эти деревья уходили далеко, далеко за горизонт. Тогда я был немного шокирован красотой увиденного. Съехав с моста, мы некоторое время ехали вдоль леса, а затем подъехали тоже к кварталу в котором располагались здания, но это были не трущобы. Эти здания были пятиэтажными и были более ухоженными и чистыми, да и рабочих я тут не видел, из зданий выходили полицейские и люди в серых костюмах. Подъехав к одному из этих зданий полицейская машина остановилась. Полицейские вышли, затем медик открыл дверь и тоже

покинул машину. Один из полицейских направился в здание и через некоторое время вернулся, после этого он открыл нам с братом дверь и приказал выходить из машины и следовать за ним. Он завел нас в здание, на входе в здание был пропускной пункт, через который мы прошли и оказались в длинном коридоре, освещаемом кварцевыми лампами. Нас повели в самый дальний угол. В дальнем углу располагался кабинет, около которого были расставлены скамейки, на скамейках сидели такие же дети, как мы, на их лицах я прочел страх. Мы сели и на скамейку и стали ждать. Всего тут находилось около двадцати детей, и никто не знал что происходит. И тут дверь кабинета открылась, и полицейские завели туда двух детей, которые сидели ближе всего к двери. Через несколько минут дети вышли и под надзором полицейского их повели к выходу. На шее у них я заметил металлические ошейники. Скоро подошла и моя с братом очередь. Нас завели в довольно просторный кабинет, где находилось несколько сотрудников, одетых в белые халаты. Один из них провел сканером сначала по моему браслету, а потом по браслету моего брата, затем сел рядом с компьютером и начал на нем что-то печатать.

– Вытяни руку, – вдруг скомандовал сотрудник.

Я протянул руку. Сотрудник оглядел мой браслет, после чего взял со стола, сканер уже несколько других, более крупных размеров и провел им по моему браслету. После этого браслет растянулся. Он снял с меня браслет и отнес его в

другой кабинет, после этого таким же образом браслет сняли с моего брата.

– Зови следующих, – сказал медицинский сотрудник полицейскому.

Полицейский вывел нас из кабинета. И повел по коридору к выходу, в то время как его напарник заводил в кабинет двух других детей. Все происходящее меня сильно пугало, но я боялся спросить что происходит, потому что знал, что за любой вопрос я получу удар либо дубинкой, либо прикладом дробовика. Нас вывели в двор здания, во дворе уже стояли дети в ошейниках, построенные в колонну по двое.

– Стройтесь, – приказал нам полицейский.

И мы с братом встали в колонну плечом к плечу. Далее из здания тоже выходили дети и строились за нами. Когда все двадцать человек были построены в колонну, впереди колонны встал полицейский и приказал строем идти за ним. Другой полицейский замыкал колонну и бдительным взором следил за тем, чтобы никто не убежал. Но мысли о побеге или малейшем неподчинении ни у кого не было, все были скованы страхом, который действует на людей лучше любых железных оков. Нас вели вдоль серых зданий, затем мы вышли на дорогу и пошли вдоль нее. И вот впереди я увидел огромный бетонный забор, высотой наверное метра два, вверху на заборе извиваясь кругами висела колючая проволока. И этот забор опоясывал весь квартал в котором мы находились и дальше уходил за горизонт вдоль домов и построек, види-

мо весь наш квартал был охвачен этим забором. Мы шли к железным дверям, около которых стоял пропускной пункт в виде железной будки с пластиковым стеклом, внутри этой будки сидел охранник. По бокам железных ворот стояли две сторожевые вышки на которых стояли полицейские с винтовками в руках. Когда мы подошли к воротам, полицейский на сторожевом посту нажал на кнопку, и ворота со скрипом и громоуханием начали открываться. Я думал что за воротами будет очередной рабочий квартал, но нет, перед мои взором открылась глухая степь, с редко посаженными деревьями, дорога по которой мы шли уходила куда-то вдаль за горизонт, где виднелся лес и большие ничего. За воротами стояла огромная черная машина, похожая на грузовик, задняя часть машины имела форму контейнера, для перевозки грузов, двери контейнера были открыты. Около машины нас уже жали полицейские, но их одежда немного отличалась от той которую мне приходилось видеть. Их черный комбинезон был по бокам украшен двумя синими полосками и ткань комбинезона была сделана не из тряпичного материала, а из более плотного синтетического, который немного поблескивал на свету. На их лицах также были одеты респираторы, в форме масок, полностью закрывающих лицо.

– Принимайте груз! – сказал полицейский, идущий во главе колонны.

– Давай пихай их в отсек! – сказал полицейский дежуривший около машины.

– Заходите, заходите! – закричали полицейский сопровождающие нас.

И нас принялись заводить в грузовой отсек. Все покорно принимали свою неведомую участь. Грузовой отсек машины как раз был рассчитан на двадцать человек, по бокам были пластиковые скамейки на которые можно было сесть. Когда нас всех завели внутрь, дверь контейнера захлопнулась и внутри стало тускло, свет проникал внутрь лишь через вентиляционные щели, которые располагались по бокам контейнера, если прислониться к ним лицом, то через эти щели можно было смотреть.

Машина тронулась с места, и мы поехали по дороге, первый час езды я не отрывал глаз от вентиляционных щелей, для того чтобы обозревать окрестности, но все что я видел это пустырь, где лишь изредка располагались рощи деревьев. Кое-где в дали из-за деревьев виднелись разрушенные фабрики и заводы, а также пятиэтажные дома, которые уже были давным давно заброшены, некоторые из них представляли из себя просто руины без стен и крыш, а некоторые уже наполовину просели в землю. Но по мере того как мы отъезжали от рабочего поселка, где я жил, архитектурные постройки появлялись все реже и реже, а вот лес стал густеть. Примерно часа через три мы уже ехали по местности, которая представляла собой чистый лес, состоящий в основном из хвойных деревьев, хотя изредка попадались рощи из берез и тополей. И вот, среди всего этого монотонного пейзажа, я уви-

дел картину которая меня удивила: одно место вдоль которого мы проезжали было просто полностью выжжено, вместо травы была черная земля, и лишь кое-где валялись обгоревшие высохшие деревья. А по середине этого выжженного пустыря стоял ржавый танк вся передняя часть которого была сильно искорежена, а башня, танка была оторвана и валялась около него. Это зрелище меня тогда сильно поразило, я никогда в жизни не видел столь больших машин непонятной формы. Я не знал что здесь произошло, но холодный мороз смерти пронесся по моей коже.

Чем дальше мы отъезжали, тем светлее становилось небо, я никогда раньше не видел такого синего неба – я просто был поражен. И солнце стало светить гораздо ярче, хоть я и смотрел через вентиляционную щель, но можно сказать что я первый раз в жизни увидел солнце. То что я видел раньше было скорее походе на какое-то размытое пятно, святившее через серое небо. Я был этому сильно удивлен, странные новые чувства заполонили мое сердце, и мне впервые показалось, что тот мир, который мы видели вовсе не является миром, вернее мир не такой какой нам его показывали и есть тут что-то большее, чем просто рабочие кварталы и заводы. И вот тут мне впервые стало страшно, по настоящему страшно, мой рассудок был охвачен необъятной тьмой. Впервые в жизни я увидел, что то что мы знали все, не совсем правда, а правду то от нас скрывали, о том что есть солнце, что есть леса, что есть что-то другое за тем кварталом где мы рабо-

тали. Нам не о чем просто не рассказывали, кроме того что мы должны работать на заводах и молиться богу. Страх медленной дрожью пополз по моему телу, шипящими змеями проникая в душу. Меня начал мучить вопрос, что если нам не говорили правду о мире, то как я могу теперь верить этим людям, и что самое страшно, так это «куда же нас все-таки везут». Я оглядел детей сидящих около меня, но похоже никто из них не задавался подобным вопросом, все привыкли безропотно подчиняться. Я пихнул локтем своего брата, который кажется задремал:

– Послушай шестнадцатый, – говорю я, – куда нас везут?

– Я не знаю, – ответил смиренно брат, – я даже не хочу об этом думать, лучше сиди тихо, пока от тебя не начались проблемы.

Я замолчал. И тут отвлекшись от тревожных мыслей я поймал себя на том, что меня мучает жажда и голод, ведь с самого утра мы ничего не ели. Солнце медленно заходило за горизонт, начинало темнеть, моя тревога нарастала. По наступлению сумерек, когда солнце уже зашло за горизонт, машина остановилась. Заднюю дверь фургона открыли двое полицейских, полицейские пристально смотрели на нас, крепко сжимая в руках дробовики.

– Эй, кому надо отлить выйти, быстрее! Выйдите на обочину трассы, но чтобы мы вас видели, попытайтесь бежать – пристрелим!

Я почувствовал, что действительной мой мочевой пузырь

разрывается. Выйдя из фургона я подошел к обочине трассы и отливал, вдыхая свежий и столь необычный воздух. Поразительно, но воздух был совершенно другой, без примеси краски и бензина. Я чувствовал на себе пристальных взор полицейского держащего дробовик и наблюдающего за всеми нами. Около кабины машины я слышал металлическое гроыхание. Это второй полицейский достал из кабины машины канистру с водой и налил воду в алюминиевую кастрюлю.

– Эй вы, пейте! – обратился он к детям.

Все подбежали к кастрюле с водой и по очереди начали пить воду. Я подбежал в числе первых, поэтому и напился раньше остальных. И вот утолив жажду я немного отошел от общей куче, сделав несколько шагов в сторону обочины и стал смотреть на травяное поле, с иссохшей травой, пролегающее вдоль трассы по которой мы ехали, и на небольшую рощу редких деревьев, располагающуюся сразу же за полем. И тут вдруг не смотря на то что было уже довольно темно, и роща деревьев, была на довольно далеком расстоянии от трассы, я увидел как из лесной рощи вышло несколько человеческих фигур, около семи, и они направились в нашу сторону. И шли они как то странно, немного прихрамывая и качаясь из стороны в сторону. Я молча смотрел на них в изумленном оцепенении. Я не мог понять откуда в этом глухом лесу люди. А группа людей, все неуклонно направлялась к нам. Чем ближе они подходили, тем отчетливее я видел их запачкан-

ные и истлевшие одежды и лохматые волосы, это меня очень сильно насторожило, и более всего было странно то, что они шли молча, шли одинаково, все как один. И вот подойдя к нам на расстояние около двухсот метров, они побежали. И при беге их нескоординированные движения стали еще более явными, когда они бежали их как буд-то бы раскачивало из стороны в сторону, но при этом они бежали довольно быстро. Я быстро подбежал к машине и дернул рукой за комбинезон одного из полицейских, который уже заносил канистру с водой в кабину машины. Полицейский резко оттолкнул меня рукой. Так сильно, что я упал на асфальт. Он даже не обратил на меня внимания, и посмотрел на меня охваченного ужасом, и лежащего на асфальте, только когда положил в кабину машины канистру и захлопнул дверь.

– Чего тебе?! – раздраженно спросил он смотря на меня.

Я ничего не ответил, но только показал пальцем в сторону бегущих на нас людей.

Полицейский повернул свою голову и тут же в его глазах я увидел ужас.

– Шатуны... – вначале еле слышно прошептал он, а потом закричал громче, обращаясь к своему напарнику: «Шатуны-ыы!»

Его напарник стоял, впереди кабины машины, затем развернул голову и, увидев бегущих людей, мгновенно среагировал, взяв в руки дробовик, который висел у него за спиной, он прицелился в толпу подбегающих к нам людей и сделал

два выстрела. Но как ни странно эффекта выстрелы не произвели, казалось, что бегущие даже никак не отреагировали на заряд дроби, выпущенной в них.

– Быстро в машину! – закричал на нас другой полицейский, затем взял дробовик в две руки, и словно палкой начал теснить ничего не понимающих, ошолобевших детей в кузов фургона.

– Поторапливайтесь! – кричал он.

Я тут же поднялся и побежал в кузов машины, забежав я сел на свое место и стал смотреть в вентиляционную щель. Слышались выстрелы дробовика, но люди подбегали к нам все ближе и ближе. Когда последний ребенок залез в машину и за нами закрылась дверь, бегущие были уже около автомобильной трассы. Я уже мог их отчетливо видеть. А зрелище это было не из приятных, скорее даже ужасных. И вот когда полицейский, загоняющий нас в кузов, фургона, забежал в кабину и закрыл за собой дверь, и уже кажется даже нажал на педаль газа, один из этих людей все таки успел добежать до фургона и с разбега врезаться прямо в ту часть, где располагались щели через которые я смотрел. И можно сказать, что на секунду мы оказались с ним лицом к лицу. Я непроизвольно вскрикнул и отдернул голову от смотровых щелей. Машина тронулась. И уже кажется мы несколько минут были в пути, но я никак не мог придти в себя. Это лицо ... оно казалось не живым: под глазами были синие отеки, кожа была желтоватого оттенка, местами разлагалась и некоторых

местах отслаивалась от черепа, а глаза были пустыми, но в то же время зловещими, и мне показалось что он смотрел прямо на меня, и как буд-то бы проник взглядом в мою душу. С одной стороны он был как бы мертвый, но с другой стороны разумен, и мне показалось, что смотрел он именно на меня, бежал ко мне, и когда наши глаза встретились через вентиляционное отверстие, я почувствовал, что он хочет меня съесть. Просто он так смотрел на меня, так хладнокровно, так равнодушно, но в то же время, как на что-то принадлежащее ему. Мне стало очень жутко. Я потерял не то чтобы дар речи, я потерял дар мыслить, все поплыло перед моими глазами, затем начало мутнеть, и я сам не помню как это произошло, но я отключился. Очнулся я только утром, оказалось, я спал прямо под своим местом для сидения. Я оглянулся и попытался собраться с мыслями, припоминая, что же было вчера. «Что это было? Сон, наваждение» – спрашивал я себя. Я помнил жутких людей выбежавших из леса, но тут же поймал себя на мысли что это был сон. «Да, конечно разумеется сон, что же еще это могло быть», – утешил я себя. Я поднялся на ноги, и огляделся. В фургоне, кто-то из детей спал, кто-то сидел на своих сиденьях и смотрел в вентиляционные щели. Я тоже повернул голову, чтобы прислониться к щели для обзора, но тут дикий, кричащих холодный ужас пробрался в мое сердце и уже готов был разорвать его на части – на месте моей обзорной щели была большая вмятина, от удара головой. И тут то я в мельчайших подроб-

ностях вспомнил это обезображенное лицо, которое я вчера увидел, этого полуживого шатающегося человека, набросившегося на меня. Вот тут то мне стало совсем не по себе. Я не знал что думать, не знал чего ждать – фургон просто ехал в неведомую даль, унося нас всех в пугающую неизвестность.

Глава 2

День выдался холодным, хмурым таким и пасмурным. Примерно в полдень, полицейские сделали остановку, всех детей вывели погулять, напоили водой, и каждому дали по булке хлеба. Я стоял возле фургона, как раз напротив вмятины, которую проделало своей головой неведомое мне существо, и смотрел на полицейских, которые стояли около кабины фургона и вели разговор. До меня доносились обрывки их фраз:

– Не думаю что это хорошая идея, ночью ты за рулем, поэтому сэкономь таблетки, у нас их и так мало.

– Слушай, не по себе мне чего-то, и так сегодня всю ночь не сомкнул глаз!

– Таблетки на что? Амфетамин, мертвому силы даст!

– Слушай я не об этом, они не заходили в эту местность, вернее давно их тут не видели – лет десять уже, ведь ездили спокойно всегда.

– Да, вроде предупреждали что новая волна хлынула, опустошили поселок, что был около Стены. Да их вина, совсем бдительность потеряли, изгородь почти никто не охранял, многие посты сняли, а тут ночью налетела волна, шатунов больше, чем жителей, у центра патронов столько то не было. В общем ужас. Все руководство эвакуировали на вертолете, как только получили сигнал, а вот из черни никто не выжил.

– Да, у Стены опасно жить, ох опасно, бывает тихо, тихо, а бывает что всякая гадость как попрет, и все, словно саранча пожирая все на своем пути. Но в эти края не припоминаю чтобы заходили, странно это, ох странно ...

– Да, нет, видать те шатуны просто последние из стаи были, раз так далеко зашли, кажись на последнем издыхании были, день два и с голоду подохнут ... не парься ты. Раньше, и до города бессмертных доходили, вот там то были проблемы. А сейчас им по дороге жрать нечего, вот в пути все сдыхают, а эти так, видимо везунчики, – и тут полицейский громко расхохотался, сделал две последние затяжки сигаретой и бросил бычок на асфальт.

Второй полицейский бросил на него критический взгляд, обозначив, что вовсе не разделяет веселого настроения своего напарника. Затем нас завели обратно в фургон и машина вновь тронулась в путь. Пока мы ехали асфальтированная дорога стала значительно хуже и более отвратительного качества, то и дело машина насакивала на неровности в асфальте. Пейзаж простирающийся вдоль дороги был, унылым и однообразным в основном лес, местами выгоревший, изредка встречались разрушенные поселения, разрушен заводы, дома, но располагались они далеко от дороги, поэтому рассмотреть я все руины толком то и не мог, пару раз практически вдоль дороги мы встретили заброшенные селения, деревянные дома, весьма приличного качества, правда с выбитыми стеклами, и обветшалыми крышами. Около одного

из домов стоял автомобиль без колес, который был явно не военным, потому что окна его не были зарешечены, да и сам был он довольно небольших размеров. Ржавчина, только начала обволакивать его металлические двери, посему я сделал вывод что селение, мимо которого мы ехали было покинуто людьми совсем недавно. Просто другие дома, мимо которых мы проезжали, даже бетонные многоэтажные дома, были просевшими в землю, у некоторых вообще отсутствовали крыша или одна из стен, а эти дома были вполне, после небольшого ремонта, пригодными для обитания.

Так уныло и занудно тянулась поездка, небо заволокла туча, и в фургоне где нас везли, стоял сумрак. Все молчали, потупив взор, если по началу в глазах некоторых детей я видел что-то наподобие энтузиазма или заинтересованности, то теперь, глаза всех кто был со мной в одной лодке померкли, и не выражали ничего кроме обреченности. Вечером была еще одна остановка, нас еще раз покормили и напоили, я хотел было осмелиться и спросить о том, куда же все-таки нас везут, но тут же моё воображение одернуло мой решительный порыв, нарисовав мне картину того, как тут же приклад дробовика полицейского с размаху врежется в мою переносицу и я падаю на асфальт, а из моего носа бьет фонтан крови.

Я поднял голову вверх и увидел свинцовую тучу, медленно ползущую по небосводу. Тут, сразу же закапал морозящий дождик, усилив мрачность и так гнетущей, сумрачной атмосферы вечера. Я сделал глубокий вдох и простер руки

к небу, позволив мелким каплям дождя капать на мои ладошки. Почему-то в данный момент дождь мне очень понравился, слегка прохладные капли, попадавшие на мою одежду и на мое лицо, как будто бы успокаивали. Да и вообще, надо сказать, что я люблю дождь и прохладную погоду, а жару просто не могу переносить.

Внезапно из самых дальних деревьев, что-то черное взметнуло вверх. Приглядевшись мы увидели, что это была стая ворон. Вороны испуганно каркали и летели прочь с места, на деревьях, которое они облюбовали в качестве ночлега.

– Что, то их напугало! – сказал один полицейский другому, – мы тут не одни! Быстро собираемся!

– Все в машину! – закричал другой полицейский.

Все быстро сели в фургон и машина тронулась с места.

Уже стемнело, машина мчалась по дороге и я приложившись в плотную лицом к узким вентиляционным щелям так и не мог ничего разглядеть. Тревога в моем сердце сменилась усталостью и я непроизвольно задремал. Я не помню, что мне снилось, кажется ничего и не снилось, но вот помню что я проснулся от сильного толчка, машина резко затормозила, явно во что то врезавшись, и всех, детей сидевших в фургоне, отбросило к передней стенке. Я никак не мог понять что происходит, затылком я ударился об чью-то голову, и чувствовал нестерпимую болью. Затем машина медленно дала задний ход, я в ожидании следующего толчка ре-

флекторно пытался за что-то ухватиться рукой, но я такой был не один, многие из детей, сидевших на задних сиденьях, не смогли удержаться и упали вниз, и все мы барахтались в темноте фургона, пытаясь за что-то ухватиться. Я нащупал рукой сиденье, уж не знаю, мое или нет, и вскарабкался на него. Машина ехала назад, потом остановилась, и резко рванула вперед, проехав несколько секунд мы снова в что-то врезались, однако в это раз схватившись руками за сиденье, я все таки удержался. И тут внезапно послышались выстрелы. Видимо полицейские стреляли во что-то из окон грузовика. И тут я услышал, сильный стук: кто то бил по стенкам фургона, в котором мы все сидели, удары начали раздаваться со всех сторон. Затем послышались опять выстрелы. Удары по стенкам фургона не прекращались, и раздавались с такой силой, что фургон слегка покачивался. Я с опаской прислонился к смотровой вентиляционной щели, сквозь тусклое освещение фургона в основном только от фар, я смог разглядеть тени людей окруживших наш фургон и яростно колотивших его руками. И тут рядом с моим лицом, в щель через которую я смотрел, в фургон просунулись чьи то пальцы. Я в ужасе вскрикнул, и одернул голову назад. Руку я не видел, поскольку полностью она пролезть в фургон через узкую щель не могла, вот посиневшие пальцы, с черными ногтями я разглядел отчетливо. И тут фургон снова резко дернулся назад, затем вперед, пытаясь высвободиться из вязкой трясины, этих существ, которые нас окружили. Снова раз-

дались выстрелы, затем снова толчок, после чего, подпрыгивая, словно ехавши по кочкам, машина все-таки смогла проехать вперед. Дальше фургон начал набирать скорость. Я перевел дыхание. «Что это было?» не прекращал я задавать себе вопрос, «что тут происходит?» , «что это были за существа, в стаю которых мы врезались?» «это были люди? Почему они шли вдоль дороги толпой посреди ночи? Почему вообще бросились вчера на нас в атаку?», «Да что это вообще тут такое?». Ночь бесшумно обтекала фургон в котором мы ехали, лишь слышался шум мотора машины, а так были тишина, кто-то из детей изредка пытался говорить, но не получая ответа от собеседника тут же замолкал.

Под утро машина остановилась, я кажется так и не поспал. Всех нас вывели на улицу на очередную кормежку. И тут я увидел машину: боковые металлические стены фургона были помяты, окна кабины машины, были все потрескавшимися и местами заляпаны кровью. Один из полицейских открыл капот машины и начал что-то чинить.

– Эй ты, – обратился ко мне его напарник, – чего смотришь? Поел, попил, иди в фургон садись, скоро уже поедем.

Но я стоял на месте как вкопанный, осматривая бампер машины, который был весь измят и измазан кровью.

– Что, произошло? – осмелился спросить я.

– Эй, а ну забери его отсюда, – сказал полицейский чинивший машину своему напарнику.

Его напарник схватил меня за шиворот и затащил в фур-

ГОН.

– А ну сиди и не высовывайся! – скомандовал он.

Я сидел в фургоне и боялся высунуться. Небо было такое хмурое, серое, с высоко плывущими темными облаками. Утренний запах росы доносился до меня с лесной поляны, расположенной у дороги, это слегка успокаивало, но вопросы все больше и больше мучили меня, я не понимал, почему нас уже так давно везут в непонятном направлении, так далеко от дома, и кто эти существа, что напали на нас. Я весь был в догадках, кто это? Беглые рабочие? Не похоже, почему они брели вдоль автомобильной трассы поздно ночью, почему не заметили едущую машину? И почему не разбежались, а яростно бросились на фургон? Все происходящее казалось мне дурным сном, и уже вот-вот, должно было наступить пробуждение, но сон все продолжался и продолжался. Я начал скучать по семье. Увижу ли я их? Ах, если бы я знал тогда, в тот самый момент, что уже больше никогда мне не придется вновь встретиться с матерью и отцом, то я бы не смог дожить и до следующего утра, не говоря уже о тех нечеловеческих испытаниях, которые далее выпали на мою долю. Иногда неведение самый лучший вариант, а правда может очень сильно навредить, если ты к ней не готов, и сейчас был именно тот случай. Неведение давало надежду, тот слабый огонек, который горел в моем сердце посреди всего сумрака, хаоса и страха, окружавших меня.

– Ну все, едем, заводи всех в фургон, – скомандовал один

полицейский своему напарнику.

Детей тут же запахали в фургон и закрыли дверь. Машина тронулась в путь. Не помню сколько мы ехали, помню лишь что я задремал, поначалу мы ехали спокойно, но вот в полусне я услышал непонятный шум, похожий на выстрелы, затем вскрики, но сил не было чтобы даже открыть глаза, так одолевала усталость, тем более что не мог понять, что мне снится и есть игра моего воображения, а что реальность. И тут сильный толчок по фургону привел меня в чувство. Что толкнуло машину так что меня отбросило в сторону. Затем я снова услышал выстрелы, но уже не дробовики полицейских, а стрекотание автомата. Я повернул голову налево и увидел моего брата, лежащего рядом со мной, пуля, пробив стенки фургона попала ему в висок, и упав с сиденья, он мертвый лежал внизу около меня, из пулевого отверстия в голове у него текла кровь. Приподняв голову и осмотревшись я увидел, что не только мой брат был убит, но многие из детей были мертвы, некоторые были ранены. Выжившие оцепенели от ужаса. Кому-то из них впервые доводилось видеть смерть. Посмотрев на стенки фургоны я увидел свет сочившийся из пулевых отверстий. Тут уже для меня не было сомнений – по нам стреляли. И стреляли из автомата. Внезапно еще раз раздался стрекочущий звук автоматной очереди. Фургон потерял управление и закачался из стороны в сторону. Через несколько сделав большой крен в сторону, и сбавив при этом скорость, фургон остановился. Я огляделся,

весь пол фургоны был залит кровью, а почти все дети рядом со мной были мертвы. Я кое-как сдержал крик, пытающийся вырваться из моей груди. Я поднялся на ноги и припал к смотровой щели. И тут я увидел такую картину: наш фургон стоял наискось к дороге. Около него стояли две серых, пошорпанных машины внедорожника, с непропорционально большими колесами, одна машина располагалась напротив кабины фургона, поэтому я полностью не мог ее разглядеть, вторая стояла прямо напротив боковой стены, через которую я смотрел. Из этой машины вышли, а лучше тут будет сказать спрыгнули трое человек, а один остался за рулем. Одежды они были в черные кожаные куртки, и темные джинсы, в руках двое из них держали охотничьи винтовки, а один был вооружен автоматом. И тут еще двое человек, находившихся в другой машине, вышли на линию моего обзора, один из них, приставив к спине полицейского винтовку, толкал его вперед. Затем когда его подвели к человеку вооруженному автоматом, полицейскому было приказано встать на колени. Человек вооруженный автоматом, видимо был самым главным среди них, и подойдя к полицейскому, к затылку которого был приставлен ствол винтовки, заговорил с ним:

– Откуда едите?

Полицейский молчал, потупя глаза в землю, но после того как получил ударом приклада винтовки в спину, от стоящего сзади человека, тут же заговорил:

– Квадрат Б12, промышленная зона.

– Куда везете оружие? – снова спросил полицейский с автоматом.

– Мы не везем оружие, – ответил полицейский и тут же сильный удар прикладом в спину свалил его на землю.

Человек с автоматом подошел к нему и придавил его шею к асфальту. Полицейский захрипел.

– Машина с оружием, выехала из квадрата на день раньше нашей, – простонал полицейский.

– А у вас тут что? – спросил человек с автоматом, заметно начиная волноваться.

– У нас генетический материал! Везем детей для генетических исследований!

Человек с автоматом посмотрел на фургон, по моему телу пробежал холод, я повернулся: весь пол фургона был залит кровь, большинство детей было убито, однако некоторые задыхаясь от страха сидели на своих сиденьях с широко раскрытыми глазами, кто-то, кто пришел в себя пытался стереть с себя брызги крови. Я снова прислонился к вентиляционному отверстию в стене.

– Бес, посмотри что в фургоне, – сказал человек с автоматом одному из своих сподвижников.

Довольно высокий человек, с короткой стрижкой направился к фургону, в котором мы сидели. Когда он дернул за дверь, дверь, заскрежетала, но не открылась.

– Закрыто, – ответил Бес.

– Давай ключ сюда, – закричал человек с автоматом на

полицейского.

– Он в кармане, – ответил полицейский, все еще лежавший на земле.

– Доставай живо!

Полицейский встал на корточки и достал из кармана ключ, пристегнутый к ремню на цепочке, затем отстегнул его с карабина, и протянул человеку с автоматом. Тот взял в руки ключ, повертел его в руках, а затем кинвнул, Бес, который все еще стоял у дверей фургона. Бес, быстрым шагом направился к полицейскому и я подумал, что он хочет взять ключ, но нет, Бес зашел за спину полицейскому, резким движением снял с плеча дробовик и направив ствол на голову полицейского нажал на курок. Раздался выстрел. Полицейский безжизненно плюхнулся на землю, половина его черепа была оторвана выстрелом. Бес довольно улыбался.

– Ну все, – проговорил человек с автоматом, пренебрежительно смотря на капли крови, попавшие ему на куртку, – все открывай фургон, если там и остался кто живой, возьмем себе и продадим работорговцам. Хватай ключ, Бес, – сказал он и тут же подбросил ключ вверх, по направлению к Бесу.

Бес одной рукой ловко схватил ключ, летевший в его сторону, а затем направился к фургону. Я прокручивал в голове все сказанное, и то что у этих людей намерения были не добрыми сомнений у меня не оставалось, я отпрянул от моей смотровой щели, и ринулся в дальний угол фургона, случайно запнувшись о чей-то труп, я упал на пол попытав-

шпись встать, увидел что все рукава моей одежды я испачкал в чьей-то крови. Почему-то в тот момент, моей первой защитной реакцией было забиться в самый дальний угол фургона и сидеть там закрыв лицо руками, ведь я наверное так бы и сделал если бы не упал. И тут я услышал скрежет открывающейся двери. Я решил замереть и притвориться мертвым. Дверь открылась.

– Шакал, там много трупов, ужас короче, – раздался голос Беса, – сам посмотри, только несколько живых.

Раздался топот ботинок, и чьи то голоса:

– Зачем ты стрелял?

– Это ты машину вел криво, по колесам нельзя прицелиться было.

– Кретин, ты сказал что там оружие, кто сказал что там живой материал?

Я лежал лицом уткнувшись в чей-то труп и закрыв глаза. Меня насторожило, очень сильно насторожило, что нас называли генетическим материалом, а еще сказали что хотят выживших продать в рабство. Я понял, что я пропал, ни у полицейских везших нас куда-то, ни у этих грабителей нет к нам хороших намерений. И тут на меня напало жуткое давящее чувство, что я попал во враждебный мир, где вечная тьма, и из тьмы на меня смотрят, тысячи хищных глаз, и повсюду сверкают острые клыки, готовые разорвать меня. В эту секунду я ощутил, что жизнь моя висит на волоске.

– Что, делать будем, Шакал?

– А сам, то как думаешь? Трупы, надо выгрузить да в рощу подальше от трассы отнести. Желательно чтобы с дороги их видно не было. Приступаем.

Снова слышались шаги, затем шорох одежд. Затем вдали, разговоры и ругань. Я лежал не двигаясь, я понял, что грабители вытаскивают трупы убитых детей и выгружают из фургона. Кто то из живых детей всхлипывал, кто-то тяжело дышал, больше я ничего не слышал, поднять голову и посмотреть я не решился, и лежал недвижимым. И тут чьи-то руки схватили меня за штанину и потянули к выходу.

– Хватай за руки его, – раздался голос.

Когда меня дотащили уже до дверей, еще один человек схватил меня за руки, и вдвоем меня понесли куда-то. По неровности почвы я понял что с автомобильной трассы мы сошли и идем по земле.

– Давай, раскачиваем и кидаем, на раз, два, три! – слышался голос.

– Раз, – меня качнули, – два, – еще раз. На слово «три», после раскачивания, двое человек державших меня за руки и ноги, внезапно отпустили меня и полетел в сторону упав на что то мягкое. Открыв глаза, я увидел, что приземлился я на кучу с трупами, остальных детей, чуть сбоку от меня лежали трупы двух полицейских. Я не смел шевелиться, все лежал и смотрел на трассу, куча с трупами располагалась недалеко от трассы, поэтому я мог с легкостью обозревать все происходящее. Один за другим мужчины в черных одеждах вы-

таскивали трупы из машины и складывали в кучу, рядом со мной бросили еще четверых человек.

– Шакал, пятеро живых, и один раненый, – обратился Бес, к человеку с автоматом.

– Приведи! – рявкнул Шакал.

Бес, пошлее в грузовик и за шиворот куртки выволок, корчащегося от боли ребенка. Шакал, приподнял его рабочую рубашку, всю залитую кровью, затем осмотрел внимательно осмотрел рану и сказал:

– Ранение в живот. Он уже не жилец. Пристрели его Бес!

Шакал отошел в сторону, Бес снова резко снял с плеча в дробовик и выстрелил ребенку в голову почти в упор. Голову ребенка разорвало на две части. И тут я не смог сдержать накатывающийся приступа рвоту, я почувствовал сильные спазмы в животе, но поскольку желудок мой был пуст, спазмы прекратились, оставив место головокружению. Убитого ребенка понесли к куче и бросили возле ее основания.

Затем между грабителями снова начались какие-то разговоры, до меня доносились лишь обрывки фраз:

– Садись за руль фургона!

– Хорошо!

– Может подождем трупы, чтобы шатунам не достались?

– Совсем спятил? У нас только пять канистр с бензином осталось! А у нас еще фургон, который до города катить! Шатуны не наша проблема.

– Садитесь уже!

Все грабители расселись по своим бездорожникам , а один из них залез в кабину захваченного фургона. Через пару секунд все три машины тронулись в путь, оставив на трассе только три огромные лужи крови, и трупы людей, наспех сложенных другу возле друга, в лесной роще возле трассы. Вот так я и оказался живой в компании мертвых, в лесной роще, которая казалось уходила в бесконечную даль. Начинало темнеть, и вот теперь то, злое слово – «шатуны», по истине внушало мне нечеловеческий ужас.

Глава 3

Подул холодный ветер и заходящее за горизонт солнце закрыла темная туча. Я ощутил дрожь, холодную такую, неприятную и пакостную. Вот я стою в рубашке пропитанной чужой кровью, смотрю на автомобильную трассу, а за моей спиной лежат трупы убитых людей. И самое страшное что я просто не знаю что мне делать. Я как маленькая лодка, оказавшаяся посреди огромного океана в самый ужасный и непокорный шторм. Теперь я один, и кажется что даже самое малейшее дуновение ветра может меня сломать. Я прислушался, подошел поближе к трассе, посмотрел в разные ее стороны, но ничего увидеть или услышать мне не удалось, трасса видимо посещалась машинами весьма редко. Все что я мог слышать в данный момент это шелест листьев, колыхаемых ветром.

Наверное около часа я брел бесцельно по трассе, куда-то назад, в направлении откуда мы приехали. Начинало холодать, ветер стал более и более сильным. Солнце постепенно садилось за горизонт, и землю обволакивал дрожащий сумрак. Мне стало страшно. Но это был не такой «кричащий» страх от которого хочется просто броситься и бежать прочь, нет, это уже был другой страх, страх человека обреченного на смерть, страх неизвестного, страх «медленно заползающий тебе в душу и пожирающий изнутри». Все что я боял-

ся это смерти, возможно она будет ужасной, возможно внезапной, возможно медленной и мучительной. Так в полутьме уходящего дня я брел вдоль трассы, с опаской поглядывая на рощи деревьев. С наступлением ночи мне стало очень холодно, холодный ветер кажется продувал меня насквозь, тем более что рубашка вся мокрая от крови так и не успела высохнуть, что доставляло мне невыносимы страдания. Казалось, что беспощадный ночной холод медленно обволакивает все мое тело и ядовитым туманом заползает мне в душу, подавляя волю и нашептывая мне ужасные и безумные мысли.

И тут вдалеке, как раз в том месте, где лесная роща редела я смог разглядеть что-то вроде деревянной постройки или какого-то полуразрушенного дома. Я сошел с трассы и помчался туда, в надежде найти теплое место для ночлега. Потому что эту ветреную и холодную ночь на открытом воздухе мне пережить было бы очень сложно. Я шагал по высокой траве, обходя деревья, смотря вдаль на деревянную хижину, и пытаюсь понять что же это за постройка. По мере того как я подходил ближе и ближе, я мог видеть контуры других хижин, а также огромное здание из кирпича похожее на амбар. Видимо тут было раньше поселение людей. Когда я дошел до деревянной хижины, видневшейся издали уже совсем стемнело, ночь накрыла темным одеялом всю местность, и лишь желтоватый свет луны освещал контуры близлежащих построек. Я подошел ближе к хижине, деревянный забор во-

круг которой был наполовину разрушенным, а ржавая железная калитка валялась на земле. По всей видимости, этот дом, как и все селение в которой я попал был давно заброшен. Я перешагнул через калитку и подошел к дому. Крыша дома была просевшей и во многих местах разрушенной. Потянув за ручку двери я обнаружил, что дверь не заперта. Войдя во внутрь, я смог увидеть пустую комнату в самом углу которой стоял перекошенный деревянный шкаф. Обойдя весь дом я увидел, что окна в нем были заколочены толстыми досками, также в доме была деревянная лестница, которая вела на чердак. Поднявшись по лестнице я приподнял небольшой, но довольно увесистый деревянный люк в форме дверцы, и огляделся. Поскольку крыша дома была дырявой то на чердаке освещение было гораздо лучше чем в самом доме. Чердак тоже был пустым, если не считать всякого разного хлама, в виде досок. Забравшись на чердак я предусмотрительно опустил вниз деревянный люк. Вот именно тут на чердаке я и решил заночевать. Крышка люка открывалась снизу толчком вверх, а с чердака ее можно было открыть потянув за железное кольцо, которое к ней было припаяно, никакого шпингалета или засова тут не было, поэтому я решил положить на крышку какой-нибудь тяжелый груз, для того чтобы снизу ее никто не мог открыть. Схватив вначале одну доску, а затем другую я потянул их в сторону люка и затащил на него именно так чтобы они лежали на нем серединой. Однако поразмыслив я решил притащить сюда еще две доски так

чтобы на них можно было улечься спать, дело в том, что в другой части чердака крыша была полностью дырявой, и если бы вдруг ночью пошел дождь он застал бы меня незащищенным. Затащив на крышку люка еще две увесистые деревянные доски я посчитал, что этого груза будет вполне достаточно, чтобы никто не смог открыть люк снизу. Затем почувствовав некоторую защищенность я улегся на эти доски и задремал. В данный момент я уже не чувствовал ни холода ни голода, лишь теплое радостное чувство от того, что мне наконец-то удастся отдохнуть. Я не помню, чтобы мне что-то снилось, не помню чтобы сон был глубоким, помню лишь отсутствие мыслей и неясность. Я помню как чувствовал холодное дуновение ветра, шелест листьев, а потом снова погружался в тишину. Не знаю сколько времени я так продремал, помню лишь что насторожил меня скрип двери внизу и звук похожий на топот ног. Приподнял голову, осмотрелся и прислушался, некоторое время вокруг стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев в лесу. «Наверное просто ветер», – подумал я, и тут же опустил голову обратно на доски в надежде снова заснуть. Внезапно скрип двери повторился, еще и еще раз, потом внизу дома раздался топот ног. Я замер. Теперь уже не было сомнений что в доме я не один. Я надеялся лишь на то, что незваные посетители не будут пытаться залезть на чердак. Внезапно наступила тишина, как будто бы все замерло, затем снова топот, шорохи, какие-то неясные гроыхания, внезапно под крышкой люка,

на котором я лежал, послышался шум, кто то явно взбирался на лестницу и от меня его отделяло лишь несколько сантиметров дерева. Затем снова тишина, такие гнетущая и холодная. Я знал, что этот кто-то стоит на лестнице на чердак и если он протянет руку вверх то, сможет дотронуться до люка на котором я лежал. Он не уходил, иначе я бы слышал шум, он просто стоял и ждал чего-то. Я замер в ожидании. «Что черт возьми ему надо? И почему он стоит? Если у него нет мысли взобраться на чердак, то почему он не спуститься с лестницы?». Внезапно снова я услышал шорох, и легкое поскребывание о крышку люка. Хотя я и лежал не на самой крышке, а на досках, которые сложил на нее, я все равно явно слышал, как по дереву провели ногтями. Затем опять тишина. Я в ужаснее замер и прислушался, страх сжимающий моё сердце и не дающий пошевелиться овладел мои рассудком. Я боялся дышать, боялся даже думать., боялся хоть каким-то намеком выдать что я тут. Закрыв глаза я лежал неподвижно. Эта висящая в воздухе тишина, полное безмолвие и спокойствие, но в то же время ощущение чего-то враждебного рядом с тобой, совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, просто сводило с ума и лишало рассудка. И тут я ощутил сильный толчок от которого меня немного подбросило вверх, затем еще и еще раз – тот кто стоял внизу пытался поднять крышку люка. Не помня ничего от страха, но движимый инстинктом самосохранения я приподнялся и сел на колени, чтобы сконцентрировать свой вес ровно на крышке люка. А

то что было на лестнице продолжало ломиться. Но крышка люка теперь уже не так сильно подпрыгивала вверх. Внезапно толчки прекратились, но затем снова начали продолжаться с удвоенной силой. Внезапно крышка когда крышка люка приподнялась, эта сущность в образовавшееся отверстие смогло просунуть свою руку. Рука была мало похожа на руку нормального человека: худая, я бы даже сказал костлявая и вся изъеденная гнойными язвами, с очень длинными ногтями. Вначале это вызвало у меня шок, но затем когда я осознал плачевность ситуации, которая была в том, что второй рукой это существо начало медленно приподнимать крышку на которой я сидел и я почувствовал, как сползаю в сторону, я тут же вскочил на ноги и резко подпрыгнул на месте. На руку в это время обрушилось давление всего моего тела и нормальный человек быстро бы ее одернул, но это существо словно не чувствовало боли и продолжало дальше просовывать руку на чердак, а второй рукой приподнимать крышку на которой я сидел. Я продолжил прыгать с усиленной яростью, стараясь как можно сильнее надавить на самый край крышки, чтобы причинить руке наибольший вред. Водя увидел уже как от нескольких моих таких прыжков кожа на руке отслоилась, но почему то не было крови, я прыгнул еще несколько раз и слышался хруст кости, затем крышка захлопнулась, отрубив половину руки, которая так и осталась лежать возле меня. Но не вид оторванной руки испугал меня, больше всего я пришел в ужас от того что толки снизу про-

должились. Это существо по прежнему продолжало толкать крышку, пытаясь ее приподнять. Ни криков, ни стонов, ни малейших звуков я не услышал. Просто продолжались монотонные толчки. Затем толчки стихли на время, и я услышал шорох. Затем новый, но уже гораздо более сильный толчок слегка подбросил меня вверх. Я понял что произошло: потеряв руку, сущность поднялась на несколько ступеней по лестнице выше и принялась толкать крышку, упершись в нее спиной. Еще один толчок, потом еще один и я был отброшен в сторону. Крышка люка с которой я слетел приоткрылась и оттуда показалось что-то ужасное и безобразное, с исхудалым лицом, впалыми пустыми глазами и грязными скомканными волосами. На этой сущности была одета истлевшая грязная одежда, похожая на рабочий комбинезон. Высунувшись на половину из люка, это существо осмотрелось и направив свой взгляд на меня начало взбираться по ступенькам вверх, стараясь полностью влезть на чердак. Я лежал на спине, и тут что было силы пнул эту подползавшую ко мне тварь ногами по лицу, но оно кажется не почувствовало боли, лишь голова отклонилась назад, а затем неуклюжие попытки залезть продолжали. Существо опиралось на крышу половиной отрубленной руки, что не давало ему возможности обрести хорошую опору чтобы залезть, крышка люка, все таки была открыта на половину и давила это твари на спину, но так или иначе, для того чтобы взобраться наверх этой твари осталось сделать всего лишь несколько рывков. Я еще раз

что было мочи пнул тварь по лицу, а затем поднялся на ноги и отбежал в дальний угол чердака как раз где лежали доски. Вначале моей первой безумной мыслью было пролезть в проем, где крыша была проломлена, а затем спрыгнуть вниз и убежать, но что меня остановило, так мысль о том, сколько же может быть там внизу похожих тварей. Вместо этого я нащупал самую легкую доску, вытянул ее из под груды более тяжелых, взвалил себе на плечи и подбежал к лестнице ведущей вниз, крышка люка была откинута, а тварь уже полностью вскарабкалась на чердак и стояла на четвереньках, пытаясь подняться на ноги. Я подбежал к твари и что было мочи ударил ее сверху доской прямо по голове. Удар пришелся немного вскользь, поэтому вместо того, чтобы упасть, тварь кажется еще больше разозлилась и опершись на одну руку начала подниматься на ноги, я снова замахнулся доской и теперь нанес удар существу уже прямо в затылок. Сущность немного покосилась но не упала, а продолжала вставать, казалось мои удары не причиняют ей никакого существенного вреда. Существо уже почти поднялось на ноги, как я с размаху нанес доской удар с боку, который пришел твари прямо в ухо. Тварь покосилась в сторону, но тут же сориентировалась и пошла прямо на меня, отступая назад я заносил тяжеленную доску за спину, готовясь для нового удара. Тварь быстрым шагом шла ко мне смотря, на меня своими пустыми глазами. Я снова ударил со всей силы, но тварь отбила доску рукой, и доску так сильно одернуло в сторону, что она чуть не

вылетела из моих рук. Еще чуть-чуть, и тварь прижмет меня к стене, отступить уже будет некуда, я снова занес доску за спину, но развернул ее не плоской стороной а немного углом, и таким образом нанес рубящий удар сверху, тварь попыталась отмахнуться но доска острым углом ударила ее об лоб с такой силой что в черепе образовалась вмятина и тварь свалилась вниз, однако продолжала дрыгаться и не прекращала предпринимать попытки подняться. Сделав несколько хаотичных движений, тварь встала на четвереньки и начала подниматься. Я был в шоке, я ясно видел на лбу у этой сущности вмятину. Я снова замахнулся доской и еще один рубящий удар сверху обрушился на зловещую сущность, затем еще и еще. Я был ее пока череп этой твари окончательно не превратился в подобие расколотого кувшина. Только после этого я наконец-то смог отдышаться и придти в себя. Положив доску на пол, я с замиранием сердца и тяжело дыша смотрел на неизвестное существо, которое я только что убил. Меня всего лихорадило, било дрожью, я не мог дать правильную оценку ситуации, просто не мог. Еще несколько дней назад, я был рядом со своей семьей, в простом рабочем квартале, где все казалось так просто и естественно: работаешь, чтобы тебя покормили, молишься богу, чтобы попасть в рай, и казалось так он будет всегда, до конца твоих дней. Но вот нет, теперь я один в непонятном селенье, голодный уставший, заблудившийся, на моих глазах вчера убили моего брата, а сейчас передо мной труп непонятной твари, которая по-

хоже пыталась меня сожрать... из глаз моих потекли слезы, затем все это как то померкло и расплылось в тумане, я сам не заметил как уснул, просто обессиленный, видимо рухнул на землю, потому что проснулся я лежа совсем рядом с трупом сущности, которую убил ночью. Страшный запах гниющего трупного мяса резко ударил мне в нос, я скривился от отвращения, пополз по направлению к люку, затем в спешке спустился вниз на первый этаж, чуть не упав с лестницы, запнувшись о ступеньку. «Что же делать теперь? Что же делать?» – именно эти мысли лихорадочно подобно вихрю крутились в моей голове. Во рту у меня пересохло, нестерпимо хотелось пить. Я выбежал во двор, еще раз оглянулся и с опаской зашаг в лес, в лесу я подбегал к растущей траве, и жадно слизывал росу, скопившуюся на ней за ночь. Спустя некоторое время, такими медленными темпами я все-таки утолил свою нестерпимую жажду. «Что же теперь?» – спрашивал я себя. Мне пришлось оглядеться, теперь то утренний свет открыл мне картину полностью: я увидел небольшой деревенский поселок, который был давно заброшен, перекошенные дома с просевшими крышами, выглядели мертвыми. Мне даже на мгновение показалось, что это место самое настоящее кладбище домов, что когда-то эти дома были живыми, но теперь умерли, или это мое воображение играло со мной непонятные шутки, или какое-то другое внутреннее чувство говорило мне что в этом месте есть только смерть, есть только полное отсутствие жизни, и эта тварь кажется

была единственным относительно живым обитателем этого поселка. Я ничего тут не найду, я знал это, знал что надо двигаться дальше. Как будто бы неведомая внутренняя сила говорила мне, что если я вздумаю вдруг тут остаться то я тоже умру, и я даже не переживу этой ночи, и самое вероятное меня тут ждет просто голодная смерть, либо помешательство от страха. Надо уходить отсюда, «но вот куда»? А на этот вопрос ответа у меня не было. Я решил провести более детальную разведку местности и обойти поселок целиком. Выйдя из леса я снова подошел к дому в котором ночевал, затем обогнул его и пошел к другим домам, все они были однотипными, и не очень опрятно построенными, вот подул ветер и ржавая калитка у одного из домов закричала, так протяжно и противно, как будто бы говорила: «Убирайся отсюда, тебе тут не рады», снова подул ветер и в каком то другом доме резко захлопнулось открытое окно, как будто сказав мне: «ты здесь чужой». Паранойя начала меня одолевать, мне казалось что дома этого заброшенного селения со мной разговаривают. Мое тело сильно изнывало от боли и усталости, а рассудок покачивался из стороны в сторону, готовый сию же минуту меня покинуть и умчаться в далекие странствия по просторам своих самых отчаянных и непредсказуемых фантазий. Я смотрел на дома, на их перекошенные деревянные стены, и в ту же секунду мне показалось что дома, тоже смотрят на меня своими огромными, впалыми окнами-глазами. Еще раз подул ветер, и я словно услышал протяжный вой, до-

носившийся отовсюду: «Убирайся отсюда», кажется каждый дом смотрел на меня с ненавистью, усталыми глазами мертвеца, готового в сию же секунду ожить и наброситься на того, кто так бесцеремонно осмелился потревожить его покой. Я поднял голову вверх и посмотрев на небо увидел, как налитые грозой, темные тучи уже заволокли весь небосвод и готовы закрыть собой солнце. Через несколько секунд, солнце зашло за тучи, и стало невыносимо темно. А дома все смотрели и смотрели на меня, в молчаливом презрении. Тишина, лишь изредка нарушаемая, случайными звуками нагнетала и сводила с ума. В моем сердце было только одно желание – броситься прочь из этого проклятого места. И тут я ощутил на своей спине, чей-то взгляд, какое то нехорошее давление, и чувство приближения чего-то плохого. Я даже не посмел оглянуться а просто бросился бежать, бежать куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого страшного поселения. Я бежал и бежал не оглядываясь, бежал вперед, в лес, в надежде там укрыться от всех этих сотен глаз, которые смотрели на меня, и что-то жуткое, что-то страшное и безликое приближалось ко мне, и я бежал со всех ног, бежал пока мог бежать, бежал пока приступ страшной паники не сменился дикой усталостью, и я уже не мог передвигаться, и запутавшись ногами в траве, просто обессиленный упал, сердце мое так бешено колотилось, что казалось готово было вырваться из груди. Немного полежав и отдышавшись я приподнял голову и увидел , что я лежу среди высоких сосен, оглянувшись

по сторонам я увидел только сосны. Кажется я долго бежал, так долго что забежал глубоко в лес. Совсем рядом от места, где я лежал я увидел небольшую поляну с красными ягодами лесной земляники, я выбежал на поляну и принялся жадно срывать ягоды и есть их. Я был настолько голоден, что рвал ягоды небрежно, срывая их вместе с листьями, и вместе с листьями их и ел. Выбирать просто не было сил. Ягоды были очень маленькими, и я, ползая на коленях, мечась от одного куста к другому, срывал их и срывал, но все никак не мог насытиться. Казалось, что чем больше я их ел, тем больше разгорался во мне голод, и с еще большим остервенением я срывал ягоды и жадно их ел.

Где-то вдалеке послышались раскаты грома. Потом где-то рядом со мной, казалось даже над моей головой. Затем пошел дождь. Я поднял голову вверх и увидел тяжелые тучи, крупные капли дождя оседали на моем лице, я старался не обращать на это внимание, и продолжал срывать ягоды лесной земляники. Вскоре вся земля по которой я ползал превратилась в противную слякоть, и так я ползал в грязи, пока наконец таки не опустошил всю земляничную поляну, которая была довольно небольшой, голод немного отступил, но все же, в данный момент очень сильно хотелось хлеба, ягодами почему-то не получалось полностью насытиться.

Я встал на ноги и осмотрел местность, вокруг земляничной поляны росли сосны, а кое-где мелкие кустарники, подлый дождь все никак не хотел прекращаться, а лил казалось с

удвоенной силой. Моя одежда полностью промокла, я ощутил холод, надо было что-то предпринимать. Я уже и не помнил с какой стороны я пришел, и даже не помнил где находилась эта зловещая деревенька, да и если бы знал, то не за что на свете не пошел бы в это зловещее место, где сам воздух, казалось был пропитан запахом смерти. Все что мне оставалось в данный момент – это просто брести наугад, брести куда глаза глядят. Так я и сделал и поплелся сквозь деревья куда-то вперед, я шагал абсолютно бессмысленно, без какой либо цели, словно отдался течению реки и позволял ему подхватить меня и нести в неизведанном направлении. Вскоре подул пронизывающий ветер, а дождь все никак не хотел ослабевал, моя одежда промокла и я начал чувствовать нестерпимый холод. Спустя некоторое время я начал дрожать, и мне уже сложно было идти, помнится, я несколько раз споткнулся и упал, но нашел в себе силы встать и пойти дальше. Слышались раскаты грома, дождь все сильнее и сильнее лил с неба, так что мне казалось что сама природа решила меня погубить, холод пронизывал меня насквозь как сотни острых иголок воткнутых мне под кожу. Не помню сколько я так брел, довольно долго, вначале я просто шел, потом уже плелся совсем обессиленный и изможденный. Начало темнеть, и я уже плохо видел местность, по которой иду, нескончаемые деревья и высокая трава, вот и все что было вокруг меня, однообразный ландшафт, который сводил с ума. Голова моя начала кружиться, и я потерял надежду на

спасение, сил уже не оставалось и единственным желанием было просто упасть на землю и замерзнуть в эту холодную ночь, надвигающуюся на меня словно неотвратимость рока. Я помню я вышел на какую-то возвышенность, на небольшой холм, и вокруг уже не было деревьев, и тут я обо что-то запнулся и упал, но вопреки ожиданиям, упал я не на траву, как ожидал, я ударился головой обо что-то железное. Кажется я рассек себе кожу на лбу, я почувствовал как теплая струйка крови течет по моему лицу, я провел руками по лбу, и увидел на своей ладони кровь, размытую каплями дождя. «Но на что же такое я упал?». Я поднялся на ноги и увидел под собой железнодорожные рельсы. Да это были именно рельсы, уже давно заброшенные, заросшие травой и ржавые. Подняв голову и оглядевшись я увидел что стою на небольшой возвышенности, сделанной кажется из гравия, посреди которой проходила железная дорога. Посредине леса проходила железная дорога. Я не могу сказать что я обрадовался, но в тот момент это дало мне ориентир. Солнце уже почти село за горизонт, и кроваво красными бликами из-за серых туч освещало местность. Скоро должно было совсем стемнеть. Страх и ужас объял мое сердце, кажется из за каждого дерева на меня смотрели злобные глаза неведомых мне существ, готовых наброситься на меня и растерзать мою плоть. Не помня себя от страха я поплелся вдоль железной дороги, в надежде, что эта дорога меня куда-нибудь приведет. Так я и брел, уже в ночи, вдоль железной дороги,

постоянно запинаясь о прогнившие деревянные доски, соединявшие рельсы. Дождь уже лил не так сильно, но все же противно моросил, а дуновения ветра, заставляли деревья в лесу жутко скрипеть, нагоняя на меня, волны ужаса. Холод просто сводил с ума. Так тянулись минуты, превращенные в хмурую вечность, мне казалось что я теряю рассудок. Когда тьма уже окончательно обволокла все вокруг и ночь объяла меня своими черными руками, ветер стих, и я мог слушать каждый шорох в лесу. И что-то действительно происходило вокруг, это не было просто шелестением листьев, казалось, что за деревьями хлюпает грязь и кто-то между собой переговаривается. Не смотря на усталость я ускорил шаг, я хотел побежать, но сдержал порывы паники, решив все-таки сбросить силы, и сохранить холодность рассудка.

Кажется я брел так уже несколько часов, а железная дорога все уходила куда-то вглубь леса, деревьев вокруг самой железной дороги не было, видимо при строительстве их все вырубали, поэтому я находился как будто в глухом тоннеле объятom мраком, а вместо стен у этого тоннеля были высокие деревья, за которыми таился страх. Вот я повернул голову и справа около себя увидел металлическую высокую конструкцию, похожую на каркас ящика. «Что это такое, и что эта вещь делает тут?», – думал я, – «ну не важно, самое главное, что это признак цивилизации, это главное, это главное, значит дорога куда-то приведет». Дождь прекратился совсем, лишь слабые дуновения холодного ветра обдува-

ли мою мокрую одежду. Я слышал шелест листьев в лесу и скрип деревьев. Но тут внезапно я услышал резкий хруст ветки, я вздрогнул и посмотрел в сторону леса, но, однако за деревьями из-за крошечной тьмы так и не удалось ничего разглядеть. «Может показалось», – подумал я. Но тем не менее, жуткое чувство не давало мне покоя, чувство, что кто-то хочет моей смерти, здесь и сейчас. «Оглянись, оглянись, немедленно оглянись», – шептал мне мой внутренний голос. И правда, я почувствовал, какой-то недобрый взгляд устремленный мне в затылок. Не сбавляя шага в нерешительности я оглянулся. И, о ужас! Во тьме я увидел три силуэта бредущих за мной вдоль железной дороги. Я остановился, и правда, тени двигались прямо на меня, и останься я стоять, через минуту они уже будут рядом со мной. «Надо идти быстрее, быстрее» – лихорадочно думал я. Вначале я просто ускорил шаг, а затем побежал без оглядки. Я бежал долго, пока совсем не выдохся, затем переводя дыхание сменил бег на шаг, оглянувшись я никого не увидел. «Возможно показалось, возможно я просто ошибся приняв тени деревьев за что-то иное?». Но спустя не некоторое время я вновь оглянулся и снова увидел силуэты, так же целеустремленно и коряво шагающих по железной дороге и идущих прямо на меня. Один из них споткнулся и я услышал шум гравия, ударившегося о шпалу железнодорожных рельс. Теперь сомнения пропали, я знал, что это были шатуны, которые как-то почувляли меня и теперь, преследовали меня, как раненного зверя.

Я рефлекторно рванулся вперед, но тут же запнулся о шпалу и упал. «Вставай, борись за свою жизнь, борись», – шептал мне мой инстинкт самосохранения, – «не вздумай сдаваться, вставай». Я собрал последние силы и встал на ноги, оглянувшись я увидел, что они уже совсем близко: три зловещих силуэта, идущих на меня. Я собрал последние силы, встал на ноги, и побежал. Казалось я убегаю от самой смерти, которая шла по моим пятам. С трудом могу сказать, что я бежал, казалось я просто ковылял, что было мочи, из последних сил, на дрожащих ногах, которые уже не слушались меня. Только я сбавлял ход, чтобы отдышаться, я тут же оборачивался и видел их, равномерно идущих за мной, и смотрящих прямо на меня из глухой темноты. «Но идти, идти», – шептала моя воля, моему изможденному телу, «надо идти». Но я просто плелся, постоянно запинаясь о шпалы, сил уже не было, я никак не мог отдышаться, казалось, что если я вновь побегу, то мой организм не выдержит и я рухну на землю без сознания. Они были все ближе и ближе, расстояние неминуемо сокращалось, я уже мог слышать, шум гравия под их ногами. Мне казалось, что это конец. Мой взгляд был опущен вниз, я обессилено смотрел себе под ноги, стараясь не споткнуться о шпалы рельс, и уже ожидая, что вот-вот, со спины на меня набросятся эти твари, схватят руками, а затем разорвут на части. «Чтож», – думал я, может смерть принесет облегчение. И вот, уже когда я готов был сдаться, я поднял голову и увидел, впереди какое-то строение. «Надо бежать туда», –

приказал я себе. Собрав последние силы я побежал, я знал, что это мой последний шанс, и если я ошибся, то я просто упаду от потери сил. Но нет, по мере того как я приближался, к неведомому объекту, я мог разглядеть что это было чем-то вроде огромного завода, окруженного высокой бетонной стеной, и рельсы уходили прямо, под высокие железные ворота. Если через бетонную стену мне перелезть было никак нельзя, то я надеялся что смогу перелезть через ворота, в противном случае прямо тут меня и растерзают. Я ринулся вперед и вскоре был уже около ворот, ворота были все покрыты ржавчиной, рельсы уходили прямо под них, но щель была слишком мала, чтобы я мог пролезть. А где-то там, из тьмы, вскоре выйдут шатуны, которые разорвут меня на части, поэтому соображать надо было быстрее. Перелезть через ворота я тоже не мог, они были слишком высоки. Ворота раскрывались, как створки, но в середине створки были замотаны спаянно железной цепью. Именно на эту цепь я и решил вскарабкаться. Подойдя близко к цепи, я залез на нее, и шатаясь стоял на ногах, руками же я уже мог дотянуться до верха ворот и тут все что мне оставалось это просто подтянуться. Но как же то было сложно, потому что сил совсем не осталось. Я ухватился руками, за край ворот и попытался подтянуться, но тут же сорвался вниз и упал, но тут же три силуэта выступающих из тьмы, мобилизовали все мои силы, не взирая на боль я полез на цепь во второй раз, и вот уже ухватился руками за край ворот, как прямо под собой

услышал шорох гравия. Они уже были рядом, прямо под мной и готовы были меня схватить. Я повернул голову и увидел их обезображенные лица, пустые, но сконцентрированные глаза, которые смотрели на меня холодно и расчетливо как на еду, им осталось сделать только несколько шагов и они схватят меня за ноги, стащат вниз и растерзают. «Давай, вскарабкивайся! От этого зависит твоя жизнь», – приказал я сам себе. Моё тело повиновалось воле, и из последних сил я подтянулся, моя голова уже была на уровне ворот, и я видел завод, осталось только сделать последний рывок. Я услышал грохот цепи внизу – они уже были под мной и осталось только протянуть руку, чтобы меня схватить. Я сделал последний рывок, и казалось смерть пролетела совсем рядом со мной, слегка оцарапав меня своей острой косой. Я был на воротах. А внизу по другую сторону, стояли трое зловещих силуэтов в истлевших одеждах, смотрящих на меня и жадно тянущих вверх руки, желая дотянуться до меня. Я спрыгнул вниз, теперь я был в относительной безопасности. По железным воротам бешено колотили жуткие твари, но добраться до меня они уже не могли, я устремился к заброшенному заводу, в надежде найти там место для ночлега.

Глава 4

Я брел вперед, оставив позади себя, железные ворота, от которых исходил глухой стук от раздававшихся ударов. Вот уже я подошел заводу, который представлял из себя высокое двухэтажное здание серого цвета, окна завода располагались на втором этаже и все были выбиты. Завод был довольно длинный и посему, я находясь у одного из его краев не мог видеть где же он все таки заканчивается. Так я и брел вдоль одной из стен, пока не увидел огромную железную дверь, подойдя к ней я увидел, что она была закрыта, причем закрыта изнутри, каких либо ручок у двери я не увидел, мне даже на за что было эту дверь потянуть. Я толкнул дверь от себя, но она не поддавалась. Надо было искать какой-то другой вход внутрь. Мой взгляд упал на одно из окон, но как же мне было туда добраться? Ведь окна были высоко. Я хорошенько осмотрел стену и немного дальше от железной двери увидел выступы в кирпичной кладке, из щелей залитый бетоном торчали еле заметные металлические штыри, уходящие вверх здания. Именно по этим металлическим штырям я и решил подняться наверх. Ступив ногой на один из штырей и ухватившись рукой за другой, расположенный выше я начал продвигаться вверх, переступая ногами на штыри уходящие наверх. По этим штырям, создающим импровизированную лестницу я поднялся вверх и ухватился за раму окна, дальше

я сделал небольшой рывок и как можно более аккуратно, чтобы не сорваться вниз, вполз в разбитое окно. Посмотрев вниз я подумал что было бы довольно неприятно упасть с такой высоты, а тут действительно можно было сломать себе кости, второй этаж завода располагался на внушительной высоте. Я повернул голову и осмотрел местность предположительного спуска. Под окном на втором этаже повсюду валялся мелкий гравий, и осколки стекол. Я осторожно спрыгнул вниз. Оказался я в темной комнате, забитой промышленным мусором: разными деревянными коробками, щепками, досками, и прочим никому не нужным барахлом. Комната была довольно просторная, двери у нее не было и открытый проем вел куда-то в темный коридор, исследовать который у меня уже не было сил. Глаза мои слипались, а организм требовал незамедлительного отдыха. В углу я увидел длинные доски, на которых и решил расположиться на ночлег. Я уже не ощущал абсолютно ничего, ни боли в ногах, ни промокшей одежды, ни голода, я просто лег на доски и тут же отключился, попав в таинственный мир сновидений. Очень странно, но до этого момента я не видел ярких снов, я просто засыпал, и видел перед собой темное полотно. А вот теперь я увидел сон, яркий и красочный. Я вначале увидел себя со стороны спящим, затем я поднялся выше и вот уже летал над крышей завода, потом взлете еще выше и увидел сам завод в котором я спал, но увидел его не обычно, весь лес, за пределами бетонной изгороди, опоясывающей завод кольцом, был

окутан плотным черным туманом, из этого тумана доносились крики людей, из туманной дымки появлялись руки, тянущиеся ко мне, затем я увидел лица, пытающиеся высовывающие время от времени. Все они что-то кричали, казалось они стонали от боли. Затем из тумана начали высовываться какие-то звериные лица, непонятных и жутких чудовищ, все они что-то кричал и выли. Мне вдруг показалось что в этом тумане обитает зло, которое пытается выйти оттуда, но почему-то не может. И тут в небе я увидел стаю драконов, все они летели вниз, и сгустившись над заводом, стайей начали над ним кружить. Хоть драконы и были высоко, я слышал их человеческий шепот, доносившийся до меня: «Ты наш, ты наш, ты наш», – шептали они мне, «ты принадлежишь нам». Стая драконов спускалась все ниже и ниже, и вот они уже парили над самой крышей завода, то взмывая вверх, то снова опускаясь вниз. Я все никак не мог рассмотреть их цвет, казалось они могли его изменять, то они были серыми, потом становились вдруг черными, потом чешуя их снова меняла оттенок. Но я ясно слышал их шепот: «Ты принадлежишь нам», – шептали они мне.

Внезапно я проснулся, было уже утро, я открыл глаза и увидел около себя силуэт человека, это была высокая девушка лет двадцати пяти, с длинными золотыми волосами собранными в хвост, на ней был одет костюм серебряного цвета, за спиной у нее был походный рюкзак, а на плече висел карабин. Внезапно она достала из-за ремня, опоясывающего

ее костюм, пистолет и направив на меня, спросила властным голосом:

– Ты кто еще такой и что тут делаешь?

Я не мог придти в себя и молчал не знаю, что ответить событиям прошлой ночи все еще не укладывались в моей голове. И вот на меня был направлен пистолет и я должен был что-то отвечать, хотя я с трудом мог понять где я нахожусь. Владелица пистолета подошла ко мне ближе и внимательно осмотрела. Затем переспросила тоном уже более раздраженным:

– Кто ты такой? Ты говорить то умеешь?

Я тут словно потеряв дар речи молчал.

– Ты из рейдеров? – снова спросила она, ствол пистолета по прежнему был направлен на меня, посему я счел благо-разумным хоть что-то ответить.

– Я .. , – начал я мямлить, – я потерялся, я не знаю где я, я просто хотел спрятаться.

– Откуда ты пришел? – вновь раздался подозрительный голос девушки.

– Я ... меня везли из дома в машине, потом я убежал, потом прятался в лесу, там за мной гнались, твари, и я убежал.

Девушка, опустила пистолет, и засунула его снова за ремень пояса.

– Откуда тебя везли, говоришь?

– Я не знаю, из дома, где я жил, там была моя семья, а потом меня посадили в машину и увезли, и потом, на машину

напали и я убежал ...

– Зовут тебя как?

– Тринадцатый.

– Все ясно, значит ты из рабочего поселка, ты батрак, – и тут девушка подошла ближе ко мне и рассмотрела мои руки, – браслет сняли, значит везли тебя скорее всего, как донора органов, – холодно сказала она.

– Что? – переспросил я, в нерешительности.

– Порезать тебя на кусочки хотели, вытащить из тебя органы и либо кому-то твои органы пересадить, либо просто для исследований использовать.

Я в шоке молчал, пытаюсь осмыслить информацию.

– Что же с тобой то делать, – как будто бы в слух начала размышлять девушка, – я даже не знаю, ведь умрешь ты тут.

– А кто ты, – с силой выдавил я из себя.

– Я гражданка города бессмертных, и я работаю картографом, и сейчас я вроде как на задании, но направляюсь проводить моего отца, который к сожалению живет далеко от меня.

– Город бессметных? – переспросил я?

– Ах, ну да, – ответила девушка, – батракам же не положено знать ничего о мире, в котором они живут.

– А какой год сейчас знаешь?

Я отрицательно покачал головой.

– В общем малой, сейчас 2289 год, и миром владеет финансовая корпорация Эдельстар, которая контролирует всех и каждого, ну или пытается контролировать. И поскольку ты

батрак, и к тому же приговоренный к смерти, то у тебя очень большие проблемы, потому что домой ты вернуться не можешь, да и без гражданства нет тебе места ни в одном из городов. Разве только ..., – и тут она задумалась, затем продолжила, – скажи, тебе приходилось кого-нибудь убивать.

– Да, сказал я, я вчера убил одну из тварей которая пыталась на меня напасть.

– Да, неужели? Убил шатуна? Что-то мне верить с трудом. Как такой маленький как ты смог убить шатуна? – и тут она сделала небольшую паузу, – хотя речь не об этом, я спрашивала, приходилось ли тебе убивать людей?

– Нет, ответил я.

Девушка, пристально посмотрела мне в глаза, явно пытаюсь определить правду я говорю или нет.

– Я знаю что в ваших кварталах, забивают насмерть неверных.

– Кого?

– Ну, тех, кто якобы отступил от бога, и является грешником. Ты принимал участие в убийстве кого-нибудь из себе подобных?

– Нет, – ответил я, – меня самого много раз избивали, как грешника, но я никого никогда не трогал.

– Ты причинял кому-нибудь насилие?

– Нет, никогда, я просто работал на заводе и никого не трогал.

– А если я тебе скажу, что есть люди, которые не покло-

няются тому богу, которому поклоняетесь вы, что бы мог испытать к таким людям?

Я молчал не зная, что ответить.

– Тебе хочется наказать таких людей за их грехи, хочется причинить им страдания?

– Нет, – спокойно ответил я.

– Но почему? Ведь они грешники? Ведь так вас учили?

– Я не думаю, что они грешники, я думаю, что те, кто причиняют боль другим, без причины грешники.

Девушка, пристально смотрела в мои глаза, затем сказала:

– Для батрака ты довольно разумен, что очень странно, ровно, как и то, что ты смог выжить в лесу и добраться до этого завода, – затем она выдержала небольшую паузу и снова заговорила, – хоть я и не имею права этого делать, но мне кажется, что ты вполне человечен, и я смогу привести тебя в племя, из которого я родом, но ты должен понять, что со старой жизнью покончено, ты уже никогда не сможешь вернуться домой.

– Никогда? – переспросил я.

– Да, никогда, никогда не сможешь больше увидеть своих родных, тебе придется смириться и во всем довериться мне.

– Разве я никак не могу вернуться?

– Нет, корпорация, которая владеет всеми вами приговорила тебя к смерти, и даже если ты каким, то чудом доберешься обратно до своего поселка, там тебя сразу же убьют – ты слишком много видел, слишком много узнал, что не дол-

жен знать батрак. Хотя я и гражданка города бессмертных, но родом я не от туда, я из племени, которое носит название Племя одинокого леса, и я могу отвезти тебя туда. Мой отец вождь этого племени и я смогу с ним поговорить насчет тебя, уверена, он согласится чтобы ты жил с нами. Вставай на ноги малой, – обратилась девушка ко мне, нам предстоит долгий путь.

Все сказанное произвело на меня ужасное трагичное впечатление я был шокирован, что уже никогда не смогу вернуться к себе домой и увидеться вновь со своими родителями, но в то же время часть меня радовалась от того, что я был спасен и остался жив. Я в своем сердце грел надежду, что настанет тот час, и я смогу увидеться со своей семьей. Просто мне очень хотелось в это верить, и эта простая вера дала мне силы смотреть в будущее.

Я встал на ноги и отряхнул свою одежду.

– Спускаемся вниз, – сказала девушка, нам надо пройти сегодня много миль.

– Но как же те монстры?

– Шатуны? Нет, они выходят на охоту по ночам, днем они прячутся, лучи солнечно света для них невыносимы и губительны.

– А что это вообще за твари? – спросил я.

– Знаешь, малой, по поводу того, что такое шатуны есть множество теорий: говорят, что до ядерной войны их не было в мире, а потом на месте одного из ядерных взрывов да-

леко на востоке, образовалось что-то вроде портала, ворот в другой мир, и из того мира в наш залезло много злых духов, которые захватывают тела людей вселяясь в них. А кто-то говорит, что шатуны – это результаты страшных экспериментов над людьми. Я не знаю, версий много, я не такой влиятельный человек, чтобы все знать. Шатуны идут с востока, с границы, где расположена Стена, и чтобы убить шатуна, нужно стрелять ему в голову либо в сердце, это все что тебе надо пока о них знать.

– Стена? – переспросил я, – я уже слышал это слово от одно из охранников, что это такое Стена?

– Слишком много вопросов, малой, всему свое время. Нам надо уходить.

Мы спустились вниз на первый этаж полуразрушенного завода, девушка открыла изнутри железную дверь, и мы оказались во дворе:

– Куда мы вообще направляемся? – робко спросил я.

– Тут рядом с этим заводом есть поездная станция, нам надо сесть на поезд, и поехать в пункт назначения, только поездка будет не сомой комфортной.

Вышли мы из двора завода не через дверь по которой я залазил. На заднем дворе завода, был потайной ход, небольшой лаз, открывающийся люком, спрятанным среди нагромождения бетонных плит и имеющий форму тоннеля, стены которого были обложены бетонными плитами. Правда освещения в этом тоннеле не было, посему шли мы используя

фонарик. Тоннель вывел нас в лес, выход тоже открывался как люк, который был накрыт травой, и небольшим слоем земли, чтобы скрыть от посторонних глаз. За собой этот люк пришлось также закрыть и замаскировать. Дальше мы продолжили путь по лесу. Во время разговора я узнал, что мою попутчицу зовут Белла, и она живет в одном из самых могущественных городов, называемых «Городом Бессмертных», но сама она родом не из этого города, а из небольшого племени, которое образовалось после ядерной войны, уничтожившей цивилизацию. После того, как разразилась война, самые могущественные и самые богатые люди земли, смогли укрыться в специальных убежищах под землей, величиной с целые города, и жили там, около восьмидесяти лет, ожидая когда спадет на земле радиационный фон. Большинство из них умерло, но их потомки выйдя на поверхность, обладая совершенными технологиями, смогли построить самый первый город, который был назван «Городом Бессмертных» – это была столица нового мира, которая была основана шестьдесят лет назад. Все кто управляют Городом Бессмертных, являются прямыми потомками руководителей, одной из могущественных финансовых корпораций на земле, которая называлась «Эдельстар», существовавшей еще до краха цивилизации. Именно корпорация «Эдельстар» построила подземные города, в которых позволила укрыться самым влиятельным на земле людям, включая их семьи. Теперь эта корпорация, снова стремится основать на земле свою полную

и всеохватывающую власть. После ядерной войны все крупные города оказались разрушенными, стертыми с лица земли. Человечество потеряло своих самых развитых представителей, и превратилось в дикарей, которые были вынуждены бороться за свое существование. Люди объединялись в племена и таким образом выживали. Отсутствие продовольствия не позволяло создать крупные объединения людей, похожие на города и вся земля превратилась в сборище племен ведущих полукочевой, полуразбойничий образ жизни. Люди стали дикарями, убивающими друг друга за куски хлеба. Но это было не самое страшное, самое ужасное было то, что откуда-то с востока, начала приходить ужасные твари, монстры, убивающие всех на своем пути. Когда корпорация «Эдельстар» решила выйти на поверхность, они пустили в разведку первый отряд обученных солдат, именно этот отряд, начал заниматься организацией мирового порядка, заложил основы Города Бессмертных, который было решено сделать столицей, и призвал к себе на службу многих людей из племен разбросанных по всей земле. Одно из самых первых племен, с которым вступил в контакт, так называемый «Первый Отряд», было племя одинокого леса, живущее около черного моря – «Племя одинокого леса», именно из этого племени была родом Белла. Затем многие мужчины Племени одинокого леса, присоединились к Первому Отряду, и вместе начали возводить цивилизацию. Для первого отряда, вооруженного по последнему слову техники, никто прак-

тически на земле не представлял опасности, единственной проблемой были орды шатунов, идущие с Востока. Как оказалось причину их появления выяснить не удалось. На Востоке был сильный фон радиации и неисследованных излучений, от которых люди сходили с ума, а некоторые из них сами превращались в ужасных тварей. Проникнуть вглубь восточной части континента и уничтожить очаг монстров, так и не удалось. Поэтому было решено отделить восток, от запада, для этого первый отряд начал возводить огромную Стену. Но это была не простая Стена, это был целый огромный город-лента, разделяющий континент на две части, город цитадель. Город был построен как раз, на самой границе, где излучения радиации были безопасны для человека, и солдаты обязались регулярно нести там службу, сдерживая орды шатунов и прочих других тварей идущих на западную часть континента. Стена строилась и увеличивалась в размерах, количество вербуемых новобранцев, росло. Человека, который возглавлял Первый Отряд звали Ральф, в убежище он был одним из самых лучших солдат, поэтому ему и поручили возглавить первый корпус людей, вышедших на поверхность. Про него ходили легенды, говорили, что он обладал сверх человеческими способностями: мог видеть с закрытыми глазами, мог читать мысли других людей, из простого пистолета мог попасть в муху с расстояния ста метров, а также в одиночку мог справиться с сотней простых солдат. Элиту Первого Отряда составляли, такие же сверхсолдаты

как и Ральф, которые обладали паранормальными сверхчеловеческими способностями – они назывались чародеями, Ральф выбирал самых достойных людей из различных племен выживших, и предлагал им присоединиться. Одним из людей, который служил в отряде Ральфа был человек из племени одинокого леса которого звали Всеслав, ему выпала честь служить в элитном корпусе чародеев. После того как Ральф, провел разведку, заложил столицу новой цивилизации, и начал строить Стену, на поверхность вышли все люди из убежища, и стали руководителями Города Бессмертных. Они начали возводить новые города, которые подчинялись столице, стали строить фабрики и заводы, начали захватывать людей, живущих в разных племенах и превращать их в рабов. Ральф же в это время, вместе с элитой своего отряда, продолжал возведение Стены. Влияние Ральфа постоянно росло, многие племена уже признали его своим лидером и спасителем человечества, но тут внезапно руководители Города Бессмертных приказали Ральфу срочно прибыть в столицу вместе со всем своим элитным корпусом солдат, Стена же в это время еще не была закончена полностью, но за двадцать лет, что велось ее строительство, превратилась уже в самостоятельное государство, обладающее технологиями, оружием, и всем необходимым, чтобы обеспечить независимое существование людей. Ральф покинул Стену и вместе с элитой своей армии, отправился в Город Бессмертных. После этого о Ральфе никто ничего не слышал. Официально его

объявили пропавшим без вести, и руководство Города Бессмертных потребовало от Стены полного подчинения. Однако самые влиятельные люди со Стены, заявили о том, что их лидера убили и отказались признать над собой власть Города Бессмертных и корпорации «Эдельстар». В данный момент о судьбе Ральфа до сих пор ничего не известно, Стена так и стоит недостроенной и тянется вдоль пространства равному чуть больше половины континента, а из местности, где стены нет, на континент идут шатуны, словно саранча, пожирая все на своем пути. Стеной руководит совет из людей служивших в Элите армии Ральфа, отказывающийся признавать власть города Бессмертных, но открытых столкновений между этими двумя государствами нет, из за очень большой удаленности друг от друга. Я рассказал Белле про людей, напавших на наш фургон. После чего она мне рассказала, что это были рейдеры, простые налетчики, которые живут небольшими группами и совершают разбойные нападения на собственность компании «Эдельстар», в основном на плохо охраняемые объекты. Рейдеры – это дикие племена, которые пережили катастрофу, обладающие самыми примитивным довоенным вооружением, та часть людей, которые из-за своей дикости не вошли в состав Первого Отряда, и из-за своей способности к выживанию не были поработены корпорацией «Эдельстар», в данный момент доставляют мелкие неприятности, прячутся в заброшенных городах и подземных базах.

Примерно такую картину мира и расстановку мировых

сил я получил на данный момент моей жизни, все это для меня было дикостью и большой неожиданностью, ведь я рос в абсолютно другом мировоззрении, и уж точно не мог понять, что вообще происходит в мире, но почему то шокирован я не был, а воспринимал это все как естественно вытекающие события. Более того, после того как я узнал правду я перестал чувствовать, тот дискомфорт, который мне доставляли байки священника, о том, что якобы мы живем в прекрасном мире, и цель жизни – это работа на заводе. Все это казалось мне наглой ложью, и как выяснилось, моя интуиция меня не подвела. Возможно даже сейчас я ощущал некоторое счастье, от того, что все таки узнал правду, какой бы жестокой она не казалась. Горькая правда была для меня лучше сладкой лжи, и будь у меня выбор, остаться и дальше в своем рабочем поселке, и прожить там всю жизнь в убаюкивающем неведении, или допустить, то что случилось сейчас, я бы выбрал второй вариант, без сомнений.

Так и не помню точно, сколько мы шагали по лесу, пару раз делали остановку, чтобы поесть, в рюкзаке у моей попутчицы была необычная еда, в тюбиках, не такая к какой я привык, довольно сытная и вкусная, что-то наподобие овсяной каши, только со сладким привкусом. Помню, что от одного тюбика с едой, который помещался в ладони, я наелся. Что бросилось в глаза, так это надпись «Эдельстар» на тюбике с едой, кажется именно такую надпись я видел на фургоне в котором меня везли из поселка, хотя я мог и ошибаться.

Когда солнце уже приближалось к горизонту я начал волноваться. В лесу начинало темнеть. Вдруг Белла остановилась, посмотрела на часы и сказала:

– Почти пришли, еще пять минут ходьбы.

Вскоре я увидел вдалеке что-то вроде небольшого строения, довольно низкое и не особо бросающее в глаза среди высоких деревьев.

– Что это? – спросил я.

– А, это поездная станция, неплохо замаскирована, да? Тут поезда делают остановку, именно на поезд, который придет через час, нам и нужно будет сесть. Вскоре мы подошли к самой станции. Ничего особенного, железная дорога проходила посреди глухого леса, а в этом месте около нее расположена была бетонная платформа, на которую можно было сойти с поезда при желании, и небольшое здание, серого цвета, похожее на коробку. Двери и окна здания были заколочены. Мы зашли на продолговатую бетонную платформу, проходящую вдоль рельс, и видимо тянущуюся по всей длине останавливающихся тут поездов, затем посмотрели вдаль, но поезда не было видно. Белла снова посмотрела на часы, за тем спокойным голосом произнесла:

– Еще полчаса, будем ждать.

Затем она подошла к серому зданию с закрытыми дверями, сняла с себя походный рюкзак, и оперевшись спиной о его стену медленно села на землю. Я продолжал смотреть вдаль.

– А если поезд не придет? – спросил я.

– Придет, они всегда по расписанию ходят, – устало ответила Белла.

– А может его ограбят по дороге, как машину, которая нас везла.

– Не думаю, этот поезд хорошо вооружен, перевозит топливо и уголь, а это довольно ценный груз, а вы всего лишь самовоспроизводящийся биологический материал, посему из-за низкой ценности, о вашей охране толком то и не думали.

Внезапно подул холодный ветер, напомнивший о приближении ночи, а вместе с ней пугающей неизвестности и молчаливой тоски. Неизвестность пугала, и я чувствовал себя растением которое злодейка судьба с корнем вырвали из родной земли и пытается пересадить в другое место, но выживу ли я, мне казалось что на этот вопрос ни у кого не было ответа кроме меня самого, даже у высших сил, которые управляют миром. Ветер подул еще сильнее, а сумрак, покрывалом накрывший землю заставлял дрожать от страха, в ожидании что самого худшего, самых ужасных тварей, которые могут сию же минуту выйти из-за деревьев и забрать твою жизнь.

– Мне страшно, – сказал я вслух.

Белла услышала меня, протянула руку за пояс и достав пистолет, как раз тот, которым он целилась в меня, кинула его мне. Я рефлекторно поймал пистолет на лету.

– Увидишь шатуна – стреляй в голову! Только не промахнись. Те, которых ты повстречал были слабыми, истощен-

ными от голода, могут быть более сильные шатуны, посему стреляй метко.

Я держал в руке пистолет и принялся его осматривать, никогда до этого времени мне не приходилось держать в руках оружие, но когда я держал этот пистолет в руке, я почувствовал, что-то необычное, как будто был рожден именно для этой минуты – взять в свои руки оружие смерти. Пистолет лежал в моей ладони, как влитой, и я почувствовал, что-то необычное, как будто бы я встретился со старым другом, которого не видел очень давно, и почему то мне показалось, что этот пистолет был живым и тоже был рад меня видеть. Я мгновенно ощутил приток силы и уверенности в себе, теперь я уже не был тем беззащитным существом, которое вздрагивало от малейшего шороха, и подчинялось чужой воле, теперь я держал в своих руках право распоряжаться жизнями других, а в первую очередь право защитить свою собственную жизнь. На рукоятки золотыми буквами было отлито W.b.

– Что это за надпись на пистолете?

– Там на написано «Colt 45», это название пистолета, Кольт сорок пятого калибра. Калибр это размер пули ...

– Нет, там две буквы вылитые золотом.

– А, – слегка откинувшись назад, задумчиво произнесла Белла, – это инициалы хозяина данного пистолета, по легенде это был один из Легендарных личностей довоенной эпохи, некий человек, устроивший революцию, в стране, которая находилась примерно на той территории на которой мы сей-

час с тобой стоим, в общем пистолет коллекционный, хранился в бункере, в специальном музее, потом когда люди вышли на поверхность, кто-то прихватил пистолет с собой, затем продал его кому, тот кому-то еще, и так этот пистолет ходил по рукам в «Городе Бессмертных», пока наконец-то его не подарили мне. А я взяла, хоть и примитивная вещь, но работает исправно. Правда патронов маловато, в обойме всего восемь, расстреляешь, можно будет выкинуть, девятимиллиметровые патроны сейчас редкость, корпорация «Эдельстар» не выпускает такие, а без патронов пистолет барахло.

Но вот мне почему-то пистолет барахлом не казался, почему-то с самых первых секунд он мне он показался совсем родным, как буд-то это часть меня, и выкидывать его я не собирался, и был даже счастлив что ко мне попала такая ценная вещь. Я положил пистолет в широкий карман, моего уже изрядно потрепанного рабочего комбинезона.

– Эй, ну все, поезд скоро подойдет! Через десять минут. Давай за мной, надо спрятаться.

Сказав это Белла, встала на ноги и скорым шагом по бетонной платформе направилась в сторону рельс. Я пошел за ней. Мы вместе перешли рельсы, оказавшись на другой стороне железнодорожного пути, и зашли в лес, который нас скрывал.

– Уже скоро подъедет поезд, проводники вагонов выйдут на платформу, чтобы осмотреть поезд на предмет неисправностей, когда они зайдут в поезд, у нас будет ровно одна минута, чтобы незамеченными вскарабкаться на вагон с углем,

понятно?

Я понимающе кивнул.

– Хорошо, сейчас сиди тихо.

Через десять минут подъехал поезд, и остановился около станции, я услышал лязганье открывающихся дверей, затем сквозь пространство под вагонами поезда увидел непонятные мелькания ног, видимо из вагонов вышли люди и расхаживали по платформе. Вагоны в начале состава были довольно новые и почти блестящие, на каждом из них была нарисована звезда, и красовалась надпись «Эдельстар», ближе к концу состава вагоны были уже более старые, и покрыты пылью и ржавчиной, видно было, что подвергались они несчастной эксплуатации. В самом конце состава были три вагона с углём.

– Нам туда, – сказала Белла, указав на конец состава.

Сквозь деревья, стараясь производить как меньше шума, мы устремились к вагонам с углем. Когда мы дошли до конца состава, мы принялись ждать, пока люди осматривающие состав задут обратно в вагоны. И вот прозвучал гудок, сигнализирующий о скорой отправке поезда, и люди зашли обратно.

– Пора, – скомандовала Белла и побежала к предпоследнему вагону.

Я побежал за ней, вместе мы вскарабкались сначала на металлическое сцепление которое соединяло между собой вагоны, а после этого забрались и в сам вагон с углем. Вагон был заполнен не полностью, посему, лежа, мы могли не опа-

саться что нас кто-то увидит. Спустя некоторое время поезд тронулся.

Глава 5

– А долго нам ехать, – спросил я.

– Нет, утром сойдем с поезда, но вот потом еще придется идти пешком.

Ответ меня вполне утешил, поскольку я не старался думать о неизведанности будущего, а был счастлив, что этот день удалось прожить, а большего пока мне было и не надо. Усталость взяла свое, и хоть уголь был не самым удобным местом для ночлега, но в данный момент, я был уже бесконечно рад тому, что нахожусь в безопасности и ночью на меня никто не нападет. Так медленно, предавшись чувству блаженного спокойствия, я уснул.

Не помню сколько я спал, но ночью я почему то проснулся от чувства тревоги, я посмотрел на Беллу, она мирно спала. Я немного приподнялся, и оглядевшись по сторонам был заморожен изумительной ночной картиной. Мы проезжали мимо какого-то города, который весь горел от электрических огней, высокие дома переливались ярким светом, окна во многих домах горели, свидетельствуя, что обитатели этих домов не спят. Я был просто поражен увиденным, ведь раньше я никогда прежде не видел таких высоких домов. Рядом с домами у самого их подножия стояли другие дома карлики, величиной с трущобы в которых я жил, и они тоже горели электрическим светом, у входа в каждый такой дом была

какая-то надпись, горевшая то синим, то зеленым цветом. И весь город казалось переливался в ночи всеми цветами радуги, электрический свет просто очаровывал своей мистической красотой и света было столько, что казалось по этому городу можно спокойно ходить по ночам не нуждаясь в солнце. Колеса поезда громко стучали, поезд быстро мчался вперед, ветер обдувал мое лицо, легонько потрепывая мои волосы, а я в это время был полностью очарован сказочной красотой неведомого мне мегаполиса. Вскоре, высокие строения стали все реже и реже проносятся мимо моих глаз, сменяясь однообразными тусклыми бараками, а вскоре мы и вовсе покинули обитаемую полосу и вновь заехали в темный густой лес. Унылые деревья, окутанные ночным мраком, безразлично смотрели на меня с высоты прожитых ими веков, а монотонный стук поездных колес нагонял тоску. Я снова лег на уголь и уснул.

Утром меня разбудила Белла.

– Давай же вставай, скоро наша станция, – сказала она, толкнув меня в бок.

Я протер глаза, осмотрелся, поезд замедлял свою скорость, и готовился к остановке. Видимо это была такая же одинокая станция в лесу, как и та на которой мы заскочили в поезд. В воздухе плотной завесой висел туман, через который подобно сумраку ничего видно не было, кроме деревьев, что росли совсем близко к железнодорожным путям. Я протянул руку к карману и убедившись, что пистолет на месте,

обрел чувство некоторого спокойствия.

Тут поезд остановился.

– Ну все, спрыгиваем быстрее, – проговорила Белла, и тут же вскочив на ноги, ловко выпрыгнула из вагона и приземлилась на крепление, соединяющее поезда, а дальше спрыгнула на землю.

Я тут же последовал за ней. Через пару минут мы уже были в лесу и брели прочь от поезда.

– Что теперь? – спросил я.

– Теперь у нас впереди нелегкий и длинный путь, несколько дней придется шагать пешком.

А дальше дорога наша и впрямь была довольно однообразной, леса, поля, холмистая местность. Но что я заметил, что температура в этой местности была теплее, нежели в тех краях, где жил я. И растения и даже деревья были совершенно другими: в тех лесах, по которым мы шли, деревья имели широкие листья, а некоторые из них были и впрямь огромны и необъятны, казалось росли они тут уже многие тысячи лет, трава была тоже непривычно высокой, доходила в размерах мне до колен и листья этих растений, похожих на траву были очень широкими. Ландшафт, по которому мы шли напоминал горы, иногда забравшись наверх какого-то холма можно было без проблем обозреть всю пролегающую вдали окрестность, с ее по истине красивой и великолепной природой, которую еще не тронула варварская человеческая рука. Ночи тут тоже были довольно теплыми, посему даже не

требовалось разводить костер, вполне можно было накидать на землю кучу травы и спать.

И вот после двух дней ходьбы мы вышли на один высокий холм, я осмотрелся, и помимо цветущей природы, вдали я увидел огромное озеро, простирающиеся за горизонт, уходящее в необъятную даль. Я стоял на холме и смотрел на прекрасное зрелище, вода в озере, была необычного зеленоватого цвета, переливающаяся на солнце ярким блеском. Потрясающее, потрясающее зрелище, затаив дыхание я смотрел на открывшуюся моему взору волшебную панораму.

– Море, – пояснила Белла, – бесконечные просторы воды.

Тут со стороны моря до меня донесся приятный морской бриз, воздух пах солью и прохладой, раньше никогда я не вдыхал такой приятный воздух, я ощутил некое подобие блаженства, мне не хотелось никуда уходить с этого холма, хотелось провести тут всю вечность, восхищаясь величием и могущественным спокойствием морского пространства, которое манило вдаль, куда-то за горизонт, в совершенно другое, прекрасное измерение, прочь от нашего грязного и порочного мира. Не помню, сколько я так простоял, и тут Белла, толкнула меня в бок.

– Все, нам пора, путь еще долог, а времени нет.

Мы отправились дальше, когда мы спустились с холма, то оказались на некой, равнине, на которой росли цветущие деревья, от которых доносился приятный и сладкий запах. Под ногами у нас тоже росла трава, а кое-где прекрасные цветы.

Никогда, раньше я не видел такой великолепной цветущей природы. В данный момент я видел то, что совершенно не укладывалось в мое представление о мире. Облезшие деревья без листьев, низкая, вытоптанная трава, сорняки-колючки – вот пожалуй и все что я знал о природе, и думал, что она такая везде, но как безоглядно я заблуждался, мир не везде был серым, как нам его старались представить, он был еще и прекрасным, цветущим и вдохновляющим, правда это от нас скрывали. Но теперь-то я понимал, что есть много того что мы не знаем, и о чем даже не смеем догадываться, но это тем не менее есть. Я был поражен, тем, что я для себя узнал за последние дни моей жизни, и сердце сжималось от одной только мысли, о том, что же еще мне предстоит узнать и какие фантастические открытия придется сделать.

Примерно под вечер, когда солнце постепенно начало заходить за горизонт я обратил внимание, что мне совершенно не холодно, погода тут совершенно отличалась от той, что была в месте где я провел большую часть своей жизни. Ветер был на удивление теплым и ласковым, а не холодным и враждебным. Мы снова вышла на небольшой холм, с которого можно было обозревать море, уходящее в неведомую даль. Мы расположились у одинокого большого дерева, Белла рюкзак и положил и положила вместе с карабином на траву. Я наломал веток для костра.

– Здесь безопасно, – спросил я.

– Более чем, – спокойно ответила Белла, – место, где мы

находимся расположено на западе, слишком далеко от стены, шатуны сюда не доходят, если ты об этом, да и к тому же мы у Черного моря, тут слишком теплый климат, который для них совершенно не выносим.

– А рейдеры, или «Эдельстар»?

– Из «Эдельстар» тут только я, – улыбнулась Белла, – да и не будет тут никого еще долго время, для рейдеров тут нечего грабить, да и дороги тут не проложены, а для «Эдельстар» и на востоке дел хватает, колонизировать, это дикое место, им нет никакого интереса.

Мы с Беллой сидели у разожженного костра, сухие ветки еле слышно потрескивали. Белла что-то рассказывала о племени из которого она родом, но я толком и не слушал, все мои мысли были поглощены бесчисленными вопросами, бесконечной тоской, ни с чем не соизмеримым чувством потерянности. «Что станет с моими родителями?», «Что ждет меня в будущем» «Как жить дальше», «Как преодолеть боль и тоску по дому и по моим родным», – я не знал всего этого, и от бесконечно неясной ситуации почва, как будто бы уходила из под моих ног.

– Я пойду спущусь к морю, хочу побыть один, – сказал я.

– Хорошо, только смотри не потеряйся, – ответила Белла.

Я встал на ноги и вяло потопал вниз по холму, спотыкаясь о траву и попадавшие мне под ноги разнообразные растения. Солнце окончательно село за горизонт, предоставив землю во владение холодному сумраку.

Спустившись вниз с холма, я вышел к морю, и пройдя по песчаному берегу подошел почти к тому месту суши, где морские волны ударялись о берег и расплзались по нему белой пеной, а затем скатывались обратно в бескрайнюю морскую даль. Над морем желтым фонарем повисла луна, которая казалось смотрела на меня и ядовито ухмылялась. Погруженный в сумрачные думы я неспешно брел вдоль берега. Шорох морских волн, расплзавшихся по песку действовал на меня очень успокаивающе и умиротворяющее, а соленый морской ветер, обдувавший мое лицо приятной прохладой, растопил в моей душе лед сомнений и тревог, и наполнил мое сердце спокойствием и теплом. Не помню сколько я так шел, растворившись в приятной атмосфере, но сам того не замечая отдалился довольно далеко от того холма, где дожидалась меня Белла. Внезапно неизвестный мне механический гул оборвал мою задумчивость и вернул меня к реальности. «Что это еще за такое?», – спросил я себя, впереди меня виднелась довольно обширная морская скала, преграждавшая собой берег и выступавшая своей передней частью в море. По берегу мне обойти скалу было нельзя, поспешил и пришлось свернув с берега в лес огибать скалу через небольшую лесную рощу. Прокрадываясь медленно и осторожно, как зверь, я вел свой путь через заросли кустарников и небольших деревьев как раз примерно к тому месту, где по моим расчетам, за скалой должен был находиться объект, издававший механический гул. Как только я начал подби-

раться к месту назначения гул усилился. По мере того, как я приближался к берегу, роща, через которую я пробирался, начинала редеть, и вот я уже видел контуры морского берега и яркий электрический свет от объекта, находящегося возле скалы. Окончательно выйдя из рощи и прокрадываясь уже по открытому берегу я смог разглядеть, что у берега стоит небольшой катер, на крыше которого установлен прожектор. И тут до меня начали доноситься голоса людей:

– Давай же заводись собака! – кричал чей-то хриплый голос.

Вновь раздался громкий механический гул, но затем немного прогремев прекратился.

– Я тебе говорю в десятый раз уже, двигатель из-за масла барахлит! – раздался другой голос.

– Нет, в чем то другом проблема! – снова раздался хриплый голос.

Как я понял, на катере было два человека и они о чем-то спорили, грохот мотора катера то раздавался, то снова стихал. Я так понял что у эти двое пытались завести катер и отплыть с берега, но вот у катера были какие-то неполадки. Во мне возгорелось страшное и непреодолимое любопытство. Я безумно хотел узнать, кто эти люди, ведь тут не должно было быть никого, ведь так сказала Белла, а сомневаться в ее словах у меня не было никаких оснований, да и к тому же, я должен буду ей рассказать что за катер я здесь наблюдал. Все эти основания заставили меня все ближе и ближе

подкрадываться к морскому берегу. Я крался по прибрежному песку незримый, пытаюсь не попадаться в свет прожектора, и вот я уже начал различать маркировку на катере с надписью «Эдельстар», и характерную пятиконечную звезду, и казалось бы сейчас самое время повернуть обратно и тенью скрыться в зарослях, но я решил прислушаться к разговорам двух людей.

– Что еще за черт, да это мертвый номер, нет тут никого, – кричал хриплый голос.

– Вот именно, бестолку тратим время только пытаюсь здесь что-то найти, говорят же им – пустыня, стройте спокойно свою станцию, – ответил другой голос.

Вновь раздался гул мотора, но проработав немного снова затих.

– Чертов мотор! Чертовы батраки! Ну как так можно делать моторы! – закричал хриплый голос.

– Я тебе говорю, что не в моторе дело! – ответил его товарищ.

И тут кто-то из них, видимо нечаянно, толкнул рукой прожектор, прикрепленный на катере, и электрический луч света упал прямо на меня. Работники катера увидели меня и на секунду застыли в изумлении, я тоже не знал, что мне делать. В эту секунду произошло многое, мы представляли обе стороны, которые пытались определить насколько мы друг для друга опасны. С одной стороны работников катера удивило присутствие на диком берегу маленького ребенка, а с другой

стороны они не верили своим глазам и думали что тут что-то не так и возможно это ловушка. Я же пытался оценить свои шансы спастись в том случае если я брошусь бежать, с другой стороны, они стояли от меня на довольно небольшом расстоянии, так что я думал что смог бы их убить из пистолета. Но тут желание самосохранения и паники возобладали надо мной и я бросился бежать.

– Держи его! – крикнул хриплый голос.

И двое мужчин спрыгнув с катера на берег погнались за мной. Как и следовало предположить у меня не было шансов от них скрыться, не успел я пробежать и нескольких метров, как тут же сильные руки вцепились в мою одежду и одернули меня назад.

– Стоять, стоять, кто такой! – закричал мужчина с хриплым голосом.

Теперь то я смог их рассмотреть. Оба они были одеты в черные комбинезоны с синими полосками на рукавах. Мужчина с хриплым голосом был весьма высокий и небритый, с бешеными и злобными глазами он производил впечатление самого настоящего дикаря. Второй, его напарник был весьма спокойным и похоже до ситуации происходящего ему было мало дела, но его взгляд мне тоже не понравился, много было в нем скрытой злобы.

– Кто такой? Кто такой, отвечай? – кричал на меня бородач, схватив меня за одежду и встряхивая при каждом вопросе.

Я молчал.

– Ты не видишь, что ли, – вмешался в разговор его напарник, – на нем рабочая одежда – это батрак, скорее всего беглый.

– Откуда беглый? Здесь по близости нет рабочих поселений. Тут до ближайшего рабочего поселка месяц по суше добираться.

– Не знаю я откуда он тут взялся! Свяжем, доставим на корабль, а там пусть начальство разбирается!

Тут мой взгляд упал вдаль на море, и вдали я увидел огни, огни горели отчетливо и ярко. Хоть я и не мог увидеть контуры корабля, но по площади освещения смог просчитать, что это был большой корабль дожидавшийся разведывательного катера. Туда, как я понял, и решили меня доставить. Но это судя по всему не предвещало ничего хорошего.

– Тащи его в катер, там свяжем, а я пока сообщу на базу, – сказал бородачу его напарник.

Бородач начал скрутил мне руки и потащил по направлению катера, а его напарник в это время достал из-за пояса рацию, и поднес к уху:

– База, как слышите, – произнес он.

Из рации донеслись какие-то помехи, затем раздался голос:

– База, слышу вас.

– У нас тут чрезвычайная ситуация ...

Но закончить фразу он не успел. Как раз в это время, я

резким движением высвободил руку и из кармана штанов достал пистолет, навскидку направил пистолет на человека с рацией и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Слегка запрокинув голову назад, человек упал. Я рванулся вперед, но вторую руку высвободить я не смог, казалось, что бородач, находясь в состоянии шока вцепился в меня с утренней силой. Правую руку в которой у меня был зажат пистолет я начал поворачивать в сторону моего пленителя, но тут бородач резко схватил меня за руку в которой был пистолет и резким рывком выбил оружие из моих рук. Пистолет упал на песок. Я посмотрел в лицо бородача и увидел в его глазах небольшое смятение, но страха он не испытывал, видно было, что человек этот бывалый и прошел через многое.

– Откуда у тебя пистолет щенок? – с ненавистью процедил бородач сквозь зубы и заломив мне за спину руки повал меня на песок.

Я лежал со скрученными руками, бородач прижав меня к земле потянулся за моим пистолетом. Взяв его в руки он пристально осмотрел его и снова произнес:

– Похоже на оружие рейдеров? Ты рейдер что ли?

Я молчал не зная что и сказать. Бородач немного приподнялся, а затем уперся мне коленом в спину, с еще большей силой прижав меня к земле.

– Отвечай собака! – яростно вскричал он.

Я молчал не столько от страха, сколько от незнания того что бы мне лучше ответить в данной ситуации. А пока я ду-

мал над наиболее безобидным и безопасным для себя ответа, я почувствовал холодную сталь, прижатую к моему виску.

– Говори кто ты, или вышибу мозги, – закричал бородач, – говори собака!

Внезапно раздался хлопок выстрела, мне даже показалось, что свистя, пуля пронеслась где-то около меня. Или нет, я точно не знал, в мгновение я подумал, что я мертв и оказался по ту сторону, но вес тела бородача упавшего на меня привел меня в чувство. «Тот кто направил на меня пистолет сам упал? Почему?». Я сбросил его с себя и встал на ноги. Бросив взгляд на труп, я увидел кровавую рану на его лбу – явно дыра от пули. Не секунды не медля я выхватил свой пистолет из его руки, который он по прежнему сжимал, и прицелился наугад в темноту. Но тут я был изумлен до самой глубины души: из сумрака в мою сторону шагал знакомый женский силуэт с длинными волосами, свисавшими до плеч и карабином перекинутым через спину. «Белла», – тут же молнией мелькнула мысль в моей голове. Снова она явилась для меня спасительным ангелом. С огромным облегчением я опустил вниз руку, сжимавшую пистолет.

– Но как.....?, – выдавил из себя я, обращая к ней незаконченный вопрос.

– По следам! – резко сообщила она.

Переведя дыхание я положил пистолет обратно в широкий карман моего комбинезона.

Тут из рации, валявшейся на песке, возле убитого челове-

ка, раздался приглушенный голос:

– Доложите обстановку, вас не слышно ...

– Надо уходить, – с легкой дрожью в голосе произнесла Белла, – скоро тут будет подмога.

Немного постояв в раздумье она продолжила:

– Нам повезло, что, они не успели доложить на базу, что поймали тебя, но два трупа валяющиеся на песке осложнят ситуацию. Эдельстар поймет, что эта часть суши обитаема, и вышлет сюда войска. Надо спрятать один труп. С минуты на минуту с главного корабля, заподозрив неладное сюда явится военный катер, поэтому мы должны поспешить.

Белла в спешке осмотрела два трупа, взгляд ее упал на бородача.

– Вербованный рейдер, – произнесла она, на него и повесим труп.

Она в спешке достала из-за ремня своего комбинезона небольшой нож, и разрезав им одежду на руке трупа, сделал надрез в области кисти. Я увидел как на песок потекла багровая кровь. Затем из раны Белла аккуратно достала небольшую металлическую деталь.

– Микро чип, – пояснила она, – его мы заберем с собой, потому что по микро чипу, его будут отслеживать, думая, что он сбежал, а труп надо спрятать.

Белла положила микро чип себе в карман.

– Доложите ситуацию! – прокричал голос из рации.

– Они заподозрили неладное, – сообщила Белла, – живей,

хватай его за ноги, а я возьму за руки.

Белла взяла труп бородача за руки, а я же схватил за ноги, и таким образом вместе мы его поволокли прочь с берега. Это было очень тяжело, я и так был очень сильно измотан, но насколько я помню, тащить вдвоем труп этого тяжеленного громилы для меня было пыткой, испытанием на грани моих последних возможностей, то и дело мои пальцы деревенели и я невольно выпускал его ногу, отчего труп падал вниз.

– Аккуратней, как можно меньше следов на песке! – осекала меня Белла.

И я из последних сил, готовый рухнуть вниз от усталости, вцепившись окоченелыми пальцами в комбинезон одежды, помогал тащить тяжеленный труп, стараясь чтобы он не касался песка. Помню, мы тащили его довольно долго, стремясь вынести как можно дальше от места преступления, так чтобы труп не нашли. После длительных усилий и значительных временных затрат мы затащили все-таки труп в лесную полосу, где под ногами у нас росла густая трава и было уже невозможно. Перед нами прорастали густые кустарники.

– Туда! – сказала Белла, посмотрев в сторону этих зарослей.

Мы поднесли труп к кустам, и не успели мы его туда затащить, как мои окоченевшие пальцы вновь разжались и ноги бородача плюхнулись на землю. Но Белла кажется не обратила на это внимания и самостоятельно, волоча труп за руки, затащила его в кусты. Дело было сделано. Теперь оставалось

только полностью замести следы нашего пребывания на берегу.

– Быстрее, – поторопила меня Белла, – идем, еще есть работа.

Мы побежали не берег моря, прибежав на место, где уже был виден горизонт, мы увидели, что с большого корабля стоящего вдаль, уже двигались две ярких точки световых прожекторов.

– Черт, – выругалась Белла, – уже выслали военные катера, у нас есть не более десяти минут. Надо замести следы.

Мы лихорадочно наломали веток, от кустарников росших неподалёку и бросились к месту преступления. Только сейчас я обратил внимание на то, что пляж был весь испещрен следами от моих ботинок. Я принялся как можно быстрее заметать следы и выравнивать песок, с опаской поглядывая на два световых прожектора зловеще, приближающихся к нам из темной морской дали. Выровняв песок возле мертвого тела, и стерев все следы, мы начали перемещаться ближе к роще. Когда мы вступили на траву и с песком было закончено, катера были еще на довольно большом расстоянии, поэтому я счел что беспокоиться не о чем и уставший присел на траву.

– Не время отдыхать! – сказала Белла, – за нами будут гнаться всю ночь.

– Что? – изумленно переспросил я, не веря своим ушам. Вместо каких либо объяснений Белла вытащила из кармана маленький микрочип, вырезанный из руки убитого ею

бородача.

– Видишь? Он в ссоре убил своего товарища и скрылся в лесу! Так должно все выглядеть. Ты понимаешь? У них радары и по встроенному микрочипу его будут искать. Мы должны довести эту постановку до конца.

Слегка подтянув меня за шиворот, Белла заставила меня встать на ноги, и мы устремились в путь. Я покорно шагал за ней, их последних сил, вяло передвигая ноги и уже вот-вот, готовый обессиленный морально и физически рухнуть на землю. Не помню сколько я так брел, но помню, ясно что силы начали покидать меня. Тут я увидел что мы пришли на место, где мы устроили лагерь, костер еще тлел и рюкзак Беллы стоял у дерева. Белла спешно подошла к своему рюкзаку, и начала в нем копать, затем достала оттуда пластиковую упаковку с белыми таблетками. Открыв упаковку, одну таблетку она проглотила сама, а вторую протянула мне.

– Что это? – поинтересовался я.

– У нас впереди бессонная ночь, за нами уже гонятся, тебе надо быть на ногах. Проглоти эту таблетку – поможет быть в форме.

Я взял, протянутую мне таблетку и проглотил. Я как будто бы ничего не почувствовал, и наблюдал за тем, как Белла надевала рюкзак.

– Идем! – скомандовала она резким голосом.

Я вяло начал передвигать ноги, не отдавая ни на секунду отчета своим действиям. Голова гудела и ноги мои меня уже

не слушал, помню как я обо что-то запнулся и упал. Но тут же Белла схватив меня за воротник с силой подтянула вверх. В глазах моих темнело и мне казалось что это уже все, и я беспомощен от сковавшей меня усталости. Я уже не шел, а в каком-то неясном дурмане, движимый инерцией, плелся вперед!

– Да пошевеливайся, же! Разве ты не понимаешь, что за нами гонятся!

Не помню сколько я плелся вялый и обессиленный, уже готовый свалиться на землю, как вдруг происходящее начало казаться мне отчетливо понятным и ясным. Я осознал что надо удирать, что за нами гонятся, и то в какой мы беде, но в то же время усталость моя прошла, сознание стало чистым, и кроме цели, стоящей перед нами для меня в данный момент ничего не существовало: ни усталости, ни боли, ни отчаяния. Нет, ничего я бы даже сказал, что вместо физической неумолимой усталости и душевной боли появился страстный азарт и неукротимый поток сил и энтузиазма. Весь негатив внутри меня как будто бы исчез, я отчистился от всей грязи и был полон сил физических и моральных для самых невероятных свершений. Я ускорил шаг и зашагал бодро и решительно. Казалось я увидел даже мир по другому: все эти деревья во тьме ужасающие меня и пугающая обстановка, эта зловещая луна, это завывание ветра, в общем вся эта враждебная среда, казалось изменилась и стала дружелюбной, у меня даже появилось ощущение, что все окру-

жающее пространство работает на меня. Я на миг поразился своему взгляду на мир и вещи, казалось все переменялось: весь мир я видел по другому, я смотрел в прошлое, на то что я никогда не вернусь домой, и возможно уже никогда не увижу своих близких, но мой разум не давал негативной оценки этим трагическим событиям, а концентрировался только на положительной оценке происходящего. Я увидел новые перспективы в жизни, новые возможности, новые горизонты, которые меня манили своим сладким пением, и сейчас в сию же минуту я был готов к ним устремиться и раствориться в их ласковых и дружелюбных объятиях, казалось будущее манило меня и ласкало теплыми солнечными лучами, пронизывающие мою душу безграничной любовью и восторгом. И главное у меня был запас безграничных сил идти вперед. Мне даже захотелось бежать, мчаться навстречу моей судьбе. Я был силен, чист, собран, и наполнен энтузиазмом, как будто бы только что заново родился. Мне казалось что нет и не может быть нерешенных проблем, вулкан вырывающихся на поверхность сил просто разрывал меня изнутри.

Белла увидев, что я значительно приободрился и ускорил шаг, сказала:

- Я вижу таблетка подействовала? Как самочувствие?
- Просто прекрасно, – ответил я, – усталости нет и в помине, я полон сил. Но как такое возможно?
- Это простой амфитамин, таблетка, которая активизируют скрытые резервы твоего организма. У компании Эдель-

стар таких полно, всем сотрудникам такие выдаются, на крайний случай, и сейчас этот случай настал.

Мы шли около часа, по темному лесу, по кочкам и ухабам, пока не взошли на небольшой холм, с которого открывалось обозрение на местность внизу. Хотя было темно и виднелись только верхушки деревьев, но Белла остановилась и прислушалась.

– Слушай внимательнее, – сказала она мне.

– Я ничего не слышу, – ответил я.

Но тут же вдалеке, послушались приглушенные голоса и шум трескавшихся веток, мельком увидел свет фонаря, мелькнувший, а затем исчезнувший вновь.

– Они идут за нами, – сказала Белла, – ловушка удалась, они ищут по радару своего сбежавшего сотрудника.

– Почему ты прямо сейчас не можешь выкинуть микро чип?

– Нельзя, они заподозрят что-то неладное, понимаешь человек не может вот так просто взять и вырезать чип из своей руки, не порезав себе вены или сухожилия, тут нужна тонкая работа. Нам надо изобразить паническое бегство.

Мы продолжили путь, я знал, чувствовал, что где-то по пятам за нами гонятся, ищейки Эдельстар, но меня это несколько в тот момент не пугало, а только прибавляло интереса и сладостного чувства азарта, как от веселого приключения. Не знаю, толи отдать дань психотропным таблеткам, толи моей деятельной натуре. Скорее и то и другое сыграло

свою роль. Но как бы там ни было, я получал удовольствие от происходящего.

Пройдя еще несколько часов по неровной лесной местности мы вновь увидели небольшую холмистую местность.

– Надо зайти на этот холм, – сказала Белла, – я надеюсь что они от нас отстали, если нет, то дела наши плохи: скоро рассвет, а при свете дня, скрываться от них будет весьма тяжело.

Мы забрались на холм. Вначале мы ничего не видели и не слышали, но потом, снова где-то вдалеке, на самом горизонте видимости, появились блики фонарика.

– Все еще идут, – с досадой произнесла Белла, – и что же им так сдался простой наемник, что они не могут от него отстать.

Мы сошли с холма и снова начали пробираться по зарослям, кустарниками. В ночи идти было тяжело, то и дело я обо что-то запинался. И тут я начал чувствовать некоторую раздраженность, а затем и полную потерю энтузиазма. Вскоре я заметил, что усталость овладевает моим телом, а отчаяние поглощает душу. Пройдя еще немного я заметил, что дико хочу есть, в голову начали лезть безрадостные мысли, доводившие меня до морального иступления. Спустя еще какое-то время, меня всего начало скручивать от чувства отчаяния и безысходности, мне просто хотелось упасть на землю и стонать и кричать. Тут Белла посмотрела на меня и сказала:

– Ты бледный. Совсем плохо?

– Да, – ответил я, – не могу больше идти, кажется, сейчас упаду на землю.

– Скажешь, когда будет уже совсем невыносимо продолжать путь – дам тебе еще одну таблетку.

Так в муках я вяло плелся по ночному лесу, готовый в любую минуту упасть на землю и просто отключившись, забиться в беспробудном сне.

– Сколько мы уже идем? – спросил я.

– Пять часов.

– Может быть они уже отстали?

– Не думаю, – ответила Белла, – видимо им зачем-то надо поймать этого сотрудника, если бы он им был не нужен они бы не бросились в погоню.

Оглядываться назад, чтобы посмотреть преследует ли кто-то нас было бесполезно: высоченные деревья сквозь которые мы пробирались скрывали от нас то что делалось вокруг. Но вот наши преследователи, обладавшие радаром, по видимому видели более ясную картину, и четко отслеживали передвижение микро чипа, который был в кармане у Беллы.

Спустя какое то время ходьбы, я запнулся о корягу торчавшую из земли и упал. Подняться на ноги уже не было сил, я был полностью измотан. Так и валялся обездвиженный. Видя мое трагичное состояние Белла сняла с плеч рюкзак и постав его на землю, достала из него еще одну таблетку.

– Держи, – сказала она, – протянув таблетку мне.

Я взял таблетку и проглотил ее.

– Вставай, скоро таблетка подействует.

Я поднялся на ноги, и как и прежде, вначале ничего не чувствовал, кроме усталости, но затем вновь ощутил колоссальный прилив сил. Разум мой снова кипел, энтузиазмом и радостью. И вновь, жизнь и все что с нами происходит начало видеться мне веселым приключением. Мне вновь хотелось даже не идти а бежать. Опасность как будто бы ушла, а все трудности, казались лишь небольшими помехами. Несколько часов мы шли по лесу, когда же лесная полоса закончилась, мы вышли на широкую поляну, заросшую травой. По ней мы шли до тех пор, пока не отделились на достаточное расстояние от лесополосы. Затем мы остановились и принялись ждать, смотря в сторону леса, откуда предположительно должны были выйти наши преследователи. Я замер, ожидая блика электрического света от фонаря. Мы ждали довольно долго, но из леса никто не выходил. Вот уже первые лучи восходящего солнца начали сиять из-за вершин деревьев, возвещая о начале нового дня и осыпая всю округу золотым светом, но мы по прежнему никого не видели.

– Видимо отстали, – сказал в нерешительности я.

– Похоже на то, – согласилась Белла.

Подождав еще около получаса, Белла достала из кармана микрочип, положила его на ладонь руки, а затем достав из-за пояса нож, ударила по нему рукояткой ножа. Микрочип разлетелся вдребезги.

– Теперь все кончено, – сказала она, – преследователи по всей видимости вернулись на корабль и доложат в отчете о том что один из сотрудников убил другого и скрылся, сумев уйти от погони. Ничего особенного, такое бывает повседневно.

Тут она немного призадумалась и посмотрела на меня с подозрением:

– Смотри, сколько ты принес уже проблем! Твоя неосторожность чуть было нас не погубила! Могли быть и более серьезные последствия, если бы руководство Эдельстар заподозрило, что эта часть суши обитаема? Черт подери! – чуть ли не в гневе вскрикнула Белла, – мы по твоей вине были на волосок от смерти.

От ее резкого тона мне стало не по себе, каждая нотка ее волевого голоса сверкала алмазными гранями.

– Ладно пойдем, – сказала она наконец таки, весьма примирительно.

Достав из рюкзака компас Белла бегло посмотрела на него, затем положила обратно, и двинулась в путь. Я смиренно пошагал за ней. Наверное где-то к полудню я почувствовал слабость, затем раздраженность, а после этого полное бессилие и апатию. Только сейчас я осознал что не спал очень долго. Пройдя еще немного я ощутил что меня лихорадит, во рту пересохло, а ноги и руки дрожали. Я совсем не мог себя контролировать. Бросив на меня беглый взгляд Белла сказала:

– Кажется закончилось действие психостимулятора, скоро ты отключишься. Надо бы остановиться.

Как раз в это время мы проходили по лесной роще, где росли высокие деревья с густыми ветвями. Около одного из таких деревьев мы и расположились. Я помню только как Белла сняла рюкзак и положила его на траву. Дальше я, кажется потеряв над собой власть просто отключился, лишь присев, опершись спиной о дерево. Не помню, как я упал в крепкие объятия сна, ровно столько же не помню того как долго я спал, свой сон я тоже забыл сразу же после пробуждения, да и не снилось мне ничего .

Проснулся я ночью, вначале я услышал треск горящих дров, а после, когда открыл глаза, увидел в нескольких метрах от себя разожженный костер. На костре что-то жарилось, до меня донесся запах, кажется грибов, я попытался встать, но тело отказывалось подчиняться и я снова завалился спать сном мертвого. Следующее пробуждение было на утро. Жутко хотелось пить. Я открыл глаза, Беллы нигде не было видно. Возле углей, ночного костра лежала фляжка, заметив ее я кое-как поднялся на ноги, подошел поближе и схватив флягу и встряхнув ее, с восторгом обнаружил что она наполовину заполнена водой. Открыв крышку я жадно принялся пить. Выпив всю воду, я почувствовал себя значительно лучше, но слабость все еще беспокойным призраком сидела в моем теле, напоминая о тех невероятных нагрузках, которые мне пришлось вынести. Внезапно захотелось есть, на траве, со-

всем рядом с костром лежал рюкзак Беллы, который я без колебаний обыскал, и невероятно был рад, сразу же обнаружив те тюбики с едой, два из которых я тут же опустошил. Голод постепенно покинул мое брренное тело, позволив придти на свое место чувству некоего восторга. Сознание мое охватило все приключение прошлой ночи, и то как мы были на волосок от смерти, но и в этот раз удача оказалась на моей стороне. Все верно, теперь я уже начал подозревать, что какие-то взнеземные силы меня берегут и не дают погибнуть, чем более я оценивал события произошедшие со мной за последнее время, тем более укреплялся в этой мысли.

Спустя какое то время к я услышал шорох листвы и увидел Беллу с карабином перекинутым через плечо, которая направлялась к истлевшему ночному костру.

– Можно выдвигаться в путь, – сказала она с подчеркнутой холодностью, – как ты себя чувствуешь?

– Да вроде нормально! – и тут я сделал небольшую паузу, и тщательней оценил свое состояние, – да, нормально, – тут же подтвердил я живым голосом.

– Тогда пойдем! – сказала она.

И закинув за спину рюкзак, перед этим положив в него пустую флягу с водой, тронулась в путь. Я молча пошагал, а вернее будет сказать поплелся за ней. Примерно так вот, в неопределенном молчании, мы шагали до наступления темноты. Да ничего такого и не случилось за день: лес, то редевший, то снова превращающийся в непроходимую чашу, ино-

гда встречались открытые поляны, иногда холмистые возвышенности, на которых было тяжело взбираться, в общем дорога, как дорога – в меру скучная, но все же в меру разнообразная. Вечером мы подошли к небольшой речке, протекавшей прямо по нашему курсу. У этой речки мы и решили остановиться. Вода в ней была чистая, пресная, поэтому я, встав у самого берега и жадно набирая воду ладонями, с удовольствием напился. Белла набрала полную флягу воды и положила ее себе в рюкзак. Затем мы наломали веток и разожгли костер. Когда мы с ней сидели у самого костра и смотрели на пламя, я спросил:

– Что меня дальше ждет?

Белла немного подумала, а затем ответила:

– Жизнь штука сложная, предугадать невозможно, и все скорее всего зависит только от тебя.

– Извини, – осек ее я, и с какой то недетской серьезностью, поправил, – я спрашиваю про ближайшее время.

– Хорошо, завтра вечером мы будем на месте, и поверь, правда поверь, я искренне надеюсь что все будет у тебя хорошо.

Я вдохнул в себя свежий запах реки, о да это было прекрасно, такой влажный и прохладный воздух, не то что, воздух в рабочем квартале, в котором я жил, нет, такой воздух как здесь я чувствовал впервые в своей жизни. Странно, но страхи и тревоги как будто бы исчезли и я почувствовал некое приободрение и свежесть новой жизни которая, ждала

меня уже завтра. В приятной усталости, отдающей некоторым блаженством я прилег на тонкие прутья деревьев, которые я разбросал у костра специально для ночлега, и погрузился вначале в дремоту, а затем и сам не заметил, как полностью уснул.

Глава 6

– Тринадцатый, тринадцатый, – обращался ко мне голос, – вставай!

Открыв глаза я увидел Беллу стоящую надо мной и смотрящую на меня укорительным взглядом. Я поднялся на ноги, затем неспешно, еще не совсем отойдя от сна, подошел к реке, и присев у берега начал жадно пить воду, черпая ее ладонями из реки.

– Лови, – резко сказала Белла, кинув мне тубик с фирменной едой компании «Эдельстар» – последний, больше нет. Но мы уже почти у цели.

Съев еду из тубика, я как обычно почувствовал прилив сил и ощутил что настроение моё заметно улучшилось – можно было отправляться в путь.

Мы провели в пути весь день, и почти весь день что-то меня тревожило, мне почему то казалось что я буду лишним там куда мы направляемся, но усилием воли я гнал от себя все тревожащие меня мысли. Странно, но под вечер небо затянулось свинцовыми тучами и готово было разразиться страшной грозой, подул ветер и заметно похолодало.

– Еще немного, – сказала мне Белла видя усталость на моем лице.

А мы все плелись и плелись, сквозь лес, в местности по которой мы шли, над нами возвышались небольшие холмы

и утесы, и казалось что мы пробираемся, по какой-то узкой тропинке, среди всех этих непроходимых возвышенностей, казалось мы идем по той дороге, которая ведома лишь немногим.

Уже окончательно стемнело, когда на нашем пути встретился небольшой деревянный столб, с человеческий рост, на котором были изображены непонятные узоры.

– А вот кажется мы и пришли, радостно сообщила Белла.

За этим столбом, в лес простиралась небольшая тропинка, по которой мы и устремились через уже редеющие деревья. Шли мы до тех пор, пока на вышли на небольшую поляну, за которой находился высокий каменный утес у подножия которого протекала река. В самой середине поляны одиноко горел костер, и как мне показалось у костра проскальзывали силуэты людей. По мере нашего продвижения к этим людям, я оглядывался по сторонам и моему взору открывались очертания небольших деревянных домов, в окнах которых горел слабый свет.

Внезапно из тьмы к нам вышли двое мужчин, в одетых в одежды синего цвета, сделанные хлопка, Поверх синих одежд одного из мужчин была перекинута шкура волка.

– Белла? Ты задержалась в пути, – заговорил с Беллой мужчина чей наряд украшала волчья шкура, – и кто это с тобой?

И тут я ощутил на себе довольно пристальный и нельзя сказать что совсем уж дружелюбный взгляд.

– Его зовут тринадцатый и ему с огромным трудом удалось убежать из рабочего поселка, и поскольку ему некуда идти я решила привести его сюда.

Мужчина в волчьей шкуре оглядел меня пристальным взглядом.

– Посмотрим, что скажет Прометей, – безразлично сказал он.

Мы пошли в одну из хижин, довольно высокую и все таки среди всех довольно низких хижин выделяющуюся по размеру. Зайдя в хижину я увидел довольно приятную обстановку, на стенах висели картины а в некоторых местах, а в центре одной из стены висела шкура белого волка. По бокам комнаты стояли два шкафа, заполненных книгами, в центре комнаты стоял большой стол. К моему удивлению в хижине было электрическое освещение, на потолке тусклым светом горела лампочка. На столе стоял, предмет который я видел всего лишь несколько раз в своей жизни, в кабинетах руководства, нашего рабочего поселка. Экран горевший ярким светом, и белая панель для того чтобы на нее класть руки. Тогда мне это устройство казалось странным, и указывало на принадлежность своего обладателя к привилегированному сословию. Не было еще тогда в моем лексиконе слова компьютер, как и многих других слов, которые лишь спустя много лет мне предстояло узнать. В дальнем углу комнаты, прибитая к стене висела шкура белого волка. Пока я оглядывался по сторонам и привыкал к незнакомой обстановке, в самом

дальнем и плохо освещенном углу комнаты открылась деревянная дверь и перед моим взором предстал довольно высокий человек с седым и длинными волосами, касавшимися его плеч, одет он был в белую рубашку с вышитыми на ней узорами, и в широкие штаны синего цвета. После того как он вошел, я тут же почувствовал как сама атмосфера в комнате переменилась и наполнилась пронзающей меня энергией, которую можно было охарактеризовать, как вдохновляющая и вселяющая силы и надежды. Без лишних слов я понял, что этот человек тут за главного. Его взгляд вскользь прошелся по мне, и упал на Беллу, затем он улыбнулся и кажется ощутил счастье и радость.

– Отец, как же я рада тебя видеть, – в восторге произнесла Белла.

После этого подошла к человеку с седыми волосами и обняла его.

Прометей был весьма сдержан и терпелив и старался не выдавать излишних эмоций. Даже спустя час после знакомства с ним, я не мог сказать определенно нравлюсь я ему или нет. Белла объяснила ему всю мою историю и конечно же он дал свое дозволение мне остаться, но в его глазах я видел сомнения, было видно, что однозначного мнения по поводу меня у него нет. Позже мне открылись многие истины в том числе, что рабочих, таких как я не любили, ибо считали нас религиозными фанатиками с промытыми мозгами, в которых отсутствуют человеческие черты. Я не раз, доказы-

вал что я не такой как другие, и все впоследствии в племени одинокого леса принимали меня, как равного, но в момент нашей встречи с Прометеем, ему было тяжело возложить на меня свое доверие. Прав ли был он что относился к жителям рабочих кварталов с недоверием? Тогда я не мог дать на этот момент однозначного ответа, но спустя несколько лет – когда я увидел, что есть другое общество и другие люди, которые не будут пытаться тебя унижить или убить, просто за то что ты не такой как все, или просто потому что так приказали сверху – я понял что сомнения Прометея были не просто оправданными, а были жизненно необходимыми. Ведь, там где я рос, я и вправду не видел ничего кроме ненависти и жажды насилия со стороны моего окружения, как бы можно было быть уверенным, что я не такой как все те безумцы, среди которых мне приходилось жить?

Неделю Белла была в племени одинокого леса, и все время старалась проводить рядом со своим отцом. Меня поселили в небольшом сарае рядом со свинарником, и дали работу кормить свиней. Но это было только на первых порах, тут было так заведено, что каждый человек должен был сам построить себе дом. Поскольку дома у меня пока не было, я жил первый год без особой роскоши.

Как я уже и говорил, через неделю Белла уехала, оставив меня тут жить. Прощаясь с отцом она сказала:

– Я не знаю когда еще смогу приехать сюда, все очень осложняется тем, что «Эдельстар» запускают в космос спут-

ник для полного слежения за всеми своими сотрудниками, у кого вмонтирован микрочип, поэтому мои передвижения будут строго контролироваться.

После этих слов, в глазах Прометея я увидел горечь и тоску.

– Все же я надеюсь на лучшее, – сказал он, обняв на прощание свою дочь.

Примерно так началась моя новая жизнь. Один, со своими страхами и переживаниями, без кого бы то ни было, кто бы хоть немного меня знал, я очутился в новом и неизведанном мире. Что же такое племя одинокого леса? На этот вопрос не так просто дать ответ. Они жили в небольших поселках, каждый из которых насчитывал не более двухсот домов. Лидеры племени неустанно следили за тем, чтобы каждый из поселков был скрыт от глаз людей и располагался в неприступной местности. Также, был строгий контроль за тем, чтобы поселки не разрастались. Когда население росло, отправляли колонистов для заселения и обустройства новой местности. Всех воспитывали в духе братства и преданности нематериальным идеалам, среди этого народа был культ верности, дружбы, любви и сострадания. Прометей был главным среди старейшин и пользовался безграничным авторитетом. Сам он обозначал племя одинокого леса, как хранителей знаний и самых чистых и благородных традиций – последний очаг духовной цивилизации. Я видел контраст того что такое жизнь в новом мире, подчиненном корпорации, установив-

шей свой тотальный диктат, и жизнь в мире, в который был перед моими глазами в данный момент, в мире, связанном духовно с культурой, которая была до войны. Это небо и земля. Что от нас требовали в рабочем поселке? Только одного – подчинения. В племени я увидел, что главное это любовь и уважение к тем, кто тебя окружает, только на этих ценностях можно построить счастливое общество. Были ли я счастлив? Конечно! И даже то время что мне пришлось прожить в сарае, рядом со свинарником и пасти и кормить свиней, я радовался жизни, радовался тому, что есть люди, которые готовы мне помочь.

Прометей был не простым человеком, умным и очень начитанным. За пять лет что я тут провел я выучился многим наукам, истории, литературе, философии, и даже кое-каким ремеслам, кто был моим индивидуальным наставником? Конечно же Прометей. Он не раз говорил, что его дочь во мне не ошиблась, и я очень смысленный и одаренный для своих лет. Дом мне строить помогали односельчане. И я обустроил его по своему вкусу, в том числе и соорудил тем небольшой потайной ящик в полу, где хранил, тайно от всех мой пистолет, который я уже по праву начал считать моим талисманом.

Я очень интересовался новейшими технологическими разработками, и меня всегда удручало, что в этом я не могу ощутить полную свободу, не могу насытить свой интерес. Компьютер в начале стоял только в доме у Прометея, и

он лишь изредка разрешал мне им пользоваться. Все дело в дефиците продукции. Хотя племя и поддерживало связь с внешним миром, но из-за осторожности делать это приходилось весьма редко, к тому же «Эдельстар» постоянно ужесточала меры контроля, и посему пробраться на черный рынок и что-то там купить, было не так то и просто. Но так или иначе, кое какие новинки в племя завозились, через весьма надежных и опытных людей. Самое изумительное изобретение «Эдельстар», ну помимо компьютеров, были изумительные аккумуляторы, которые можно было заряжать от солнечного света. От таких аккумуляторов и работали наши компьютеры, а также кое какие другие электрические приборы. Вообще вначале, компьютеры востребованы не были так сильно, ну ими интересовались лишь немногие, я включительно, но только из-за игр. Но позже когда люди из «Эдельстар» запустили на орбиту земли спутник, через который можно было выйти в сеть, соединяющую между собой все компьютеры, компьютеры в племени одинокого леса стали носить уже весьма значимый характер. Он уж стал источником новостей. Но что тут можно сказать: для выхода во всемирную сеть интернет нужен был модем – такая небольшая прямоугольная штука подключавшаяся к компьютеру сбоку, и карточка с кодом и паролем, каждая карточка для выхода в интернет имела запас на определенное количество часов и в зависимости от количества времени имела свою определенную стоимость. Разумеется, все это можно было достать на черном рынке.

Но с интернетом тут были свои заморочки, ибо ходили слухи, что выход в интернет скоро станет строго именованным, т.е. только по микрочипу, а поскольку карточки – это был способ выйти анонимно, т.е. купил карточку, подключился к спутнику через модем, ввел код, который на карточке – и все, ты в интернете, то с микрочипом дело было посложнее, говорили что обмануть систему тут будет практически невозможно. Но это были планы на будущее, а пока мне было 18 лет, мой дом стоял почти на берегу реки, впадавшей в море, в море я любил купаться, а по вечерам сидя на берегу реки рыбачить, и дома у меня стоял компьютер с выходом в интернет. Что еще для счастья было надо ... Хотя работы у меня тоже было не в проворот: чтобы получить компьютер, мне приходилось работать с утра до поздней ночи чуть ли не пол года, в основном занимался постройкой домов, это была моя добавочная работа помимо основной – кормить свиней. Но тяжелая работа того стоила, не на секунду я не пожалел времени и сил ради такой бесценной вещи, как компьютер.

В реке, которая впадала в море и протекала, прямо около моего дома, водилось много рыбы, и посему одними из моих самых любимых занятий помимо компьютера – была рыбалка. Что за изумительная река! Она была широкой и глубокой. По ней многие плавали на лодке и рыбачили, другую сторону реки омывал очень высокий утес, из которого торчало несколько труб, эти трубы были проложены еще до ядерной войны, и выполняли функцию выброса в реку отработанной

воды от завода, который располагался поблизости, на другом берегу реки. Завод этот был давно уже заброшен, и что он производил определить было довольно сложно, да я особо в этом и не усердствовал, по той причине что добраться до него было проблематично. Дело в том, в том месте берега реки, на котором я жил, на другой попасть было большой проблемой, именно из за этого каменного утеса, взобраться на который было невозможно, посему приходилось, плестись вверх по течению реки несколько часов, затем еще уходило около получаса чтобы переплыть эту реку, справляясь с ее бурным течением. А если все это уже удалось сделать, то опять таки оставалось пять часов ходьбы до завода. Однажды, несколько лет назад, ведомый всепоглощающим любопытством, которое было основной чертой моего характера, я таки добрался до этого завода. И старое разваленное здание с просевшей крышей, и разрушенными в некоторых местах стенами, ни сколько меня не порадовало. Внутри все было мрачно, и уныло: опустевшие кабинеты, потрескавшиеся стены, повсюду разбросанные куски бетона, и прочего строительного мусора. Руины, как руины, ничего особенного. Видимо здание раньше было обнесено высокой бетонной стеной, о чем свидетельствовали несколько бетонных плит, торчавших из земли, но давно поросших травой и сорняками. Никаких табличек, ни опознавательных знаков тут не было, поэтому о назначении этого здания оставалось только догадываться. Побродив там несколько часов и облазив все вдоль

и поперек я с чистой совестью, вернулся обратно домой. Но вот только что мне смутило, так это пулевые отверстия на стене здания, где располагался центральный вход. Много пулевых отверстий, как будто бы по зданию велся очень плотный огонь. Но что бы там ни было, прошлое таило в себе еще и не такие тайны, как нечто что случилось с этим странным заводом, поэтому поставив для себя крест в этом деле, я больше к этому вопросу не возвращался даже мысленно. До одного интересного момента ...

Я жил по большей части в виртуальном пространстве, помогал всем по хозяйству, чтобы заработать себе на карточки доступа в интернет, и в один прекрасный день это дало свои плоды. Корпорация «Эдельстар» контролировала почти всю сеть и всю сеть и все ресурсы, более того весь интернет в основном предназначался для ее сотрудников и граждан так называемого Города Бессмертных – столицы корпорации. Именно из интернета я узнавал, что такое этот город и чем он живет. В целом это был прекрасно благоустроенный административный центр, в котором было все для того чтобы живущие в нем хорошо себя чувствовали. Там стояли прекрасные высотные строения, красиво оформленные улицы, кинотеатры, в которых показывались фильмы, школы для детей и институты, в которых подготавливался класс новых управленцев. Регулярно появлялись в сети новости о постройке новых высотных зданий или о каких либо достижениях. Я видел многочисленные фотографии высоких, мно-

гоэтажных домов, украшенных мрамором, и представлявших собой самые настоящие образцы архитектурного искусства, видел небоскребы, которые казалось упираются в самое небо, видел также угрожающего вида танки и военную технику, которой владела корпорация, для охраны своих владений. Официальные сайты «Эдельстар» также предоставляли многочисленные образовательные услуги, по предоставлению новой информации в компьютерных технологиях, различные программы, которые можно было скачать и все такое прочее. Информации, касательно жизни рабочих кварталов было чрезмерно мало, однако так или иначе в сеть просачивались видеоролики, повествующие о жизни рабочих нищенских кварталов. Разумеется такая информация, доставлялась в сеть исключительно сотрудниками корпорации, т.к. в рабочих поселках про интернет никто и не знал, ибо люди, там содержались на уровне скота, который обслуживал элиту, и владел только теми знаниями, которые были необходимы для совершения работы, на которой конкретный человек специализировался. Останься я там жить, и в данный момент я не знал бы ничего, кроме того как работать за станком. Однако, в сети была некая корпорация «Ютуб», которая предоставляла возможность выкладывать в сеть, во всеобщий доступ видеоролики, но не каждому желающему, а только сотрудникам корпорации. Просматривать видеоролики на «Ютубе» мог даже я, но выкладывать в сеть, что-то свое не мог, ибо для этого требовалось пройти авторизацию

и ввести номер именного чипа, которого у меня к сожалению не было. В основном «Ютуб» был переполнен различными видеоуроками, образовательными фильмами, развлекательными программами, а также любительскими роликами которые выкладывали граждане города бессмертных. В основном ничего серьезного, просто ролики из их жизни, разговоры ни о чем, записи их домашних животных, и мало чего серьезного, ибо такие ролики любительского характера, выкладывались в основном школьниками. Но из этих роликов я мог составить себе представление о том, как они живут, как устроен интерьер их квартир, как они одеваются, и прочие мелочи. И что мне особенно приглянулось, так это обстановка домов в которых они жили. Многие дома располагали бассейном, почти в каждом стояли широкие, на всю стену домашние кинотеатры, а также голографические проекторы, почти все дома были оснащены роботами-уборщиками. Прометей, который любил быть в курсе дел, и считал – это своим первостепенным долгом, пользовался интернетом, но исключительно для поддержания, пускай и односторонней связи со своей дочерью. У Беллы тоже была своя авторская страница на «Ютубе», где она выкладывала видеоролики, касательно своей жизни в «Городе Бессмертных» и делала это как небольшой видеодневник, который, неявно был адресован ее отцу. Так можно было сказать что «Эдельстар» соединяла людей, через огромные пространства. Поскольку система глобальной сети интернет, была запущена относи-

тельно недавно, контроля тут тотального еще установлено не было, и посему отщепенцы от системы, вроде нашего племени, могли внедряться в это узкое информационное поле. Но всем было понятно, что эту брешь скоро залатают, поэтому от интернета я брал столько, насколько это было возможно, а именно старался постичь все, объять необъятное.

Однажды я наткнулся на интересный видеоролик: некий человек, в камуфляжном костюме, называвший себя Лео, выложил видеозапись, где он обращался ко всем, кто мог бы его услышать, и говорил о преступлениях корпорации «Эдельстар», и упоминал что-то о закрытых лабораториях довоенного периода, где проводились исследования по генной инженерии, еще в довоенный период. Далее в ролике, демонстрировались фотографии довоенного времени, где были изображены результаты некоторых исследований, а именно люди с явной генетической мутацией, такие жуткие уроды, на которых было страшно смотреть. Далее он обращался ко всем, с просьбой помочь отыскать одну очень важную лабораторию в которой находятся доказательства того, что корпорация «Эдельстар» виновна в развязывании ядерной войны. После того, как я увидел фотографию этой лаборатории, сделанную еще в довоенный период я пришел в легкий шок: а ведь это было именно то полуразрушенное здание, которое располагалось на другом берегу реки.

Надо ли говорить, что через несколько часов после появления, в сети, этот ролик был удален. Но мысли тревожащие

мое воображение, ни на минуту не отпускали мой пытливый ум. После того, как я обо всем рассказал Прометею, он проявил довольно странную реакцию, как будто бы что-то знал, но не хотел со мной делиться, выслушав меня он сказал:

– Знаешь, тринадцатый, лучше тебе обо всем забыть, пойми, это не твое дело, то что происходит, пока ты стоишь в стороне от дел корпорации, ты в безопасности, но если ты влезешь, ты поставишь под угрозу не только свою жизнь, но и жизнь тех людей с которыми ты живешь. Пойми, даже если, это и есть та самая лаборатория, то тогда уж тем более, будет лучше, чтобы никто не знал, что она располагается так близко к нам.

Я понимал, искреннюю заботу Прометея о своем племени, ведь, мы тут вели довольно спокойную жизнь, и не вмешивались в дела внешнего мира, и поэтому то до нас и не было никому особого то дела.

– Но если корпорация «Эдельстар» и правда, настолько опасна, как о ней говорилось, – вымолвил я, – ведь я должен помочь разоблачить ее.

– И как интересно ты это сделаешь? – спокойно сказал Прометей, – побежишь искать некоего человека по имени Лео? А что потом? Найдешь его и приведешь сюда? Даже если и так, то как ты можешь быть уверен, что он не сотрудник самой «Эдельстар», и все что он делает – это пытается по заказу, найти ту информацию, которая интересна руководству корпорации?

На все это мне нечего было ответить, я молчал. Видя мои колебания, Прометей продолжил:

– Послушай моего совета, действительно послушай, забудь про эту лабораторию, и ради твоего же блага и блага всех, нас, держись от нее подальше.

К словам Прометея я отнесся с пониманием и не выразил больше никаких возражений. День я закончил в тяжелых раздумьях, мысли сомнений грызли мою душу, с одной стороны я понимал, что Прометей был прав, и мое неумеренное любопытство могло принести неприятности, но с другой стороны, я не мог вот так все просто оставить как есть, часть меня требовала действий. Ночь выдалась беспокойно. Жуткий сон приснился. Как будто бы я попал в прошлое, и смотрел на эту лабораторию сверху, будто паря над ней. В окнах горел свет, около самой лаборатории ходили люди, у входа стояли военные машины. И тут я опустился ниже и оказался в самой лаборатории и парил бестелесным духом по ее коридорам. И снова я увидел ученых в белых халатах, которые бегали по кабинетам и были заняты своими делами. Но тут я как будто бы прошел вниз сквозь землю и оказался в подземном ярусе этой лаборатории, в длинном коридоре освещаемом тусклыми красными лампочками, горевшими на потолке, в конце этого коридора располагалась железная дверь. И тут я услышал страшные крики жуткие крики, как будто бы кого то очень сильно пытали. Крики раздавались из-за железной двери, к которой я медленно приближался. По мере

того, как я подходил ближе крики раздавались все сильнее и отчетливее, и я не слышал более жутких и леденящих душу криков, словно люди, которые кричали испытывали одновременно нестерпимые физические муки и были объаты жутким ужасом охватившим их душу. Я испытывал невыразимый страх, и подходя к двери все больше ощущал на себе те невыразимые страдания, которые испытывали те, кто находились за этой дверью. И вот я уже был близко к этой металлической двери и уже готов был дотянуться до нее своей рукой, как услышал, жуткий шипящий голос за моей спиной, произнесший:

– Тринадцатый, даже не думай об этом.

Я боялся оглянуться, и увидеть обладателя этого голоса, стоящего за моей спиной. Я чувствовал могильный холод который от него исходил, и еще я почувствовал что этот голос принадлежит, кому угодно, но только не человеку. За моей спиной стояло что-то невыносимо жуткое и враждебное. И тут эта сущность дотронулась до моего плеча, и оборачиваясь я увидел, его руку, больше похожую на лапу какого-то чудовища. Руку с длинными когтями и покрытую чешуей. От леденящего чувства страха, пронзившего насквозь каждую клеточку моей души, я проснулся в холодном поту.

Я встал с кровати, и прошелся по своей комнате, затем подошел к окну. Была ночь, звезды горели на небе яркими алмазами, где-то совсем рядом около моего дома стрекотал сверчок, все вокруг было тихо и спокойно. Я вышел из своего

дома и дыша свежим воздухом немного пришел в себя.

Где-то за моим домом я слышал шепот морских волн, омывающих песок, и в блеске реки, простирающейся перед моими глазами, я видел отражение луны, распластавшееся золотой лягушкой на тихой воде. Но подняв вверх свои глаза, я увидел на другом берегу реки, эти ужасные трубы, угрожающе торчащие из утеса. И снова в моей голове зазвучало это зловещее шипение «Даже не думай об этом». Но я не мог остановиться, смотря на трубы, я мысленно возвращался к этой лаборатории, и теперь уже для меня, преисполненного мистических суеверий, не было места сомнениям, что эта лаборатория, именно та, о которой говорил загадочный персонаж по имени Лео. Но вновь и вновь, волна неконтролируемого жуткого страха, при каждой мысли об этой лаборатории, предостерегала меня, подобно шестому чувству, от дальнейших действий, и даже каких либо мыслей о том что может находиться в подвалах этого здания.

С момента моего жуткого сна прошла неделя, и я кажется выкинул из головы все мысли о произошедшем, перестал придавать значение этому странному видеоролику в интернете, развеял все свои суеверные страхи, касательно жуткого сна, и постепенно начал убеждать себя, что возможно все это лишь чья-то нелепая шутка, усиленная моим не в меру буйным воображением. И я жил уже так как будто ничего не было. Днем следил за свиньями в свинарнике, изредка разговаривал о всякой ерунде с кем-то из жителей нашей деревни,

изредка заходил в дом к Прометею, на какие-то пустяковые дружеские беседы. Но что-то все равно было не так. Пускай наше племя и жило в относительном комфорте и безопасности, но где-то далеко, шла иная жизнь: корпорация «Эдельстар» железной рукой пасла своих людей-рабов, и вынашивала никому не ведомые, и как мне казалось, чудовищные планы по устройству мира, где-то за холмами, в сотнях километрах от нас, по миру бродили полуживые, потерявшие разум сущности именуемые шатунами, наводящие ужас на все беззащитных, где-то далеко, неведомый человек по имени Лео, просил помощи в поисках таинственной лаборатории, в которой происходило что-то жуткое, где-то там, далеко в рабочем квартале жили мои родители, о судьбе которых я ничего не знал. Где-то там, за горизонтами, жизнь была полна боли, лишений и страданий, и за всем этим ужасом, мраком и хаосом, кто-то стоял, тот кто развязал ядерную войну и разрушил цивилизация, и возможно в этой лаборатории можно было найти ответы, на вопросы к которым я не мог оставаться равнодушным.

«Неужели я решил вернуться туда?» – именно это я у себя спрашивал. «Но как? Ведь я был там, облазил все здание и ничего интересного или подозрительного не обнаружил». Я не знал даже что ответить самому себе. Возможно на фотографии была другая лаборатория и я просто ошибся. Но опять же, хоть здание и было до нельзя пошарпано и наполовину разрушено, ошибиться было сложно, никакие разру-

шения не могли изменить архитектурных основ здания, да и на заднем фоне были те же самые сосновые деревья. Нет, Лео, говорил именно про эту лабораторию, и она, пережившая войну, и простоявшая тут более сотни лет, разрушенная и заброшенная, все же находилась рядом со мной и манила меня к себе своими тайнами и загадками.

«Видимо где-то есть тайный вход в нижний ярус» – именно на такой мысли я поймал себя, когда ложился спать. «Нет, стой» – сказал голос логики и осторожности, который тут умолк, от осознания того, что я не тот, кто оставит все это просто так. Я чудом избежал, того чтобы корпорация «Эдельстар» сделала из меня донора органов, судом пережил налет рейдеров, чудом спасся от голодных шатунов, пытавшихся меня сожрать, и чудом оказался около с некой таинственной лабораторий. И во всем этом я увидел некую закономерность, подобную неведомой руке судьбы, толкающей меня к задачам, которые я должен был разрешить. Во мне было мало фатализма, скорее больше романтизма, и любви к живописи и поэзии, но тем не менее, расположенную около меня загадочную лабораторию я уже не мог оставить без интереса. Загадка требовала того, чтобы быть разрешенной. И именно этим в ближайшее время я запланировал заняться.

Гуляя по берегу реки, в один из солнечных дней я осознал такую простую и незатейливую вещь: ведь я тут совсем один, у меня нет друзей, я ни с кем не говорю и держусь особняком, вся жизнь племени проходит мимо меня. Конечно я любил

разговаривать с Прометеем и он по сути являлся единственным моим другом, даже скорее не другом, а учителем. Ведь с ним я обсуждал прочитанные книги, делился своими мыслями спорил о чем то, но все жили иначе. Неужели другие смотрели на меня с высокока? Или может быть просто не считали своим человеком? Племя жило обособленно от всего мира, и жило в своем тихом и размеренном темпе: тут были свои обряды, традиции, свои праздники, свои искусство, своя культура, но все это казалось мне каким то сонным царством. «Островок цивилизации и культуры» – так Прометей говорил о своем племени, «хранители традиция», – но признаться до всего этого мне было мало дела. Конечно я любил природу, но никогда не принимал участие ни в охоте, ни в праздниках, ни в вечерних посиделках у костра. Я просто занимался своим делом и был погружен в свои мысли. Племя одинокого леса было племенем охотников и рыболовов, которые старались поддерживать традиции и знания рухнувшей цивилизации, или просто людьми которые пытались выжить сообща, каких либо планов о внедрении в цивилизацию или изменении мироустройства ни у кого не было. Мне часто приходили мысли, это общество подобно стоячей воде, которая без свежих притоков, просто начнет портиться. Интернет и был именно тем притоком свежей информационно струи, но как я заметил ни у кого не было к технологиям большого энтузиазма. Никто не изменил своих увлечений, охотники остались охотниками, и соревновались в своих до-

стижениях, ремесленники ремесленниками, ну и так далее. Один лишь свинопас смог найти в себе силы сменить свой уклад, который не особенно то ему и нравился. Образование в племени строилось по довольно простому принципу – каждый сам выбирал чем ему заниматься, какую специальность изучать, какие книги читать. Особенно талантливых детей отбирали сразу, и старались дать им знания и научить умениям в соответствии с природными склонностями. Надо ли говорить, что никто во мне особых талантов не заметил. Да я и сам то в себе ничего особенного не видел, поэтому вел себя замкнуто и жил уединенно. Был один вопрос, который интересовал меня особенно, это мистический человек по имени Всеслав, о котором говорила Белла, а также люди со сверхъестественными способностями, но как только я пытался заговорить об этом с Прометеем, он отказывался вести беседу в этом направлении, и предлагал мне поговорить о чем то другом. От меня явно что-то утаивали, мне тут явно никто не доверял, некоторые даже обходили меня стороной. Это все вызывало во мне протест и желание доказать что я все таки стою большего.

И так погруженный в свои мысли я смотрел на колыхающуюся поверхность реки, где я так часто любил рыбачить, и тут мой взгляд интуитивно метнулся выше и остановился на трубах торчавших из отвесной скалы. «Куда интересно эти трубы ведут?» – невольно задался я этим вопросом. «Наверняка, в канализационный отдел лаборатории, но если

на ярусе, расположенном на земле я не нашел ничего связанного с трубами, то скорее всего эти трубы ведут в подземный ярус». С такими мыслями и смелым заключением в моем сердце я решился на исследование. Первое в чем я нуждался так это в веревке, чтобы по ней организовать свой спуск вниз по трубе. Второе, это фонарик, больше мне ничего нужно не было, и еще конечно же лодка. Если на нашем складе, расположенном на самой окраине поселка, веревку я смог раздобыть без проблем, хорошую, прочную, валявшуюся среди досок, и по видимому никому не нужную, то с фонарем выходили проблемы. Дело в том что у меня никогда не было нужды в фонаре, и поэтому когда отправлялась экспедиция в город, я ничего такого себе не заказывал. А было бы обидно залезть в трубу и очутиться в кромешной темноте. Фонарик я мог попросить у Прометея, но тут же пресек в себе эту мысль, рассудительно подумав, что он может заподозрить что-то не ладное. Поэтому тут все пришлось действовать в лучших старинных обычаях: я соорудил три факела, намотав на палки тряпки, пропитанные смолой, на складе всех этих компонентов было в превеликом изобилии, ибо смола использовалась для строительных целей, а именно для смазывания щелей между досками. Все это дело я сложил в свой рюкзак, и осторожно, стараясь не попасться никому на глаза вернулся в свой дом. Я решил выдвинуться в путь утром переплыть реку и пролезть в трубу. В теории все было предельно просто. Но только не совсем, переплывать че-

рез реку держа в одной руке рюкзак с факелами было, как мне казалось довольно проблематично, ибо, если мой груз коснется воды, то факела промокнут и будут непригодными для дальнейшего использования. Тут я вспомнил, что где-то в дальнем углу комнаты у меня валяется дождевой рыбацкий плащ, который мне когда-то давно дарили, но в море рыбачить я ходил не часто, и посему плащ валялся у меня без дела. Плащ был довольно дешевый и сделан кажется из самой простой клеенки, поэтому он совсем ничего не весил. Именно в этот плащ я и решил завернуть три факела и спички. Обмотал я их как можно крепче и плотнее, затянув туго веревкой со всех сторон, чтобы обеспечить полную водонепроницаемость груза. Теперь я был полностью готов, чтобы устремиться в путь, осталось только дожидаться наступления утра. Ночь у меня выдалась довольно беспокойной я долго не мог уснуть мучимый бессонницей. Кажется уснуть я смог лишь к середине ночи. Ранним утром как и обычно, услышав крик петухов я проснулся. Я оделся в свою обычную рабочую одежду, вышел из дома, зашел в свинарник, накормил свиней, затем вернувшись надел за спину рюкзак и двинулся в путь. Но не один я так рано просыпался, рыбаки, которых я встретил по дороге тоже встали рано утром чтобы пойти рыбачить.

– Куда это ты так рано, – спросил меня один из них.

– Я погулять.

– А рюкзак тебе зачем? – продолжал свой допрос настой-

чивый собеседник.

– Я в лес, прособираю еще и грибы, – сказал я первое что пришло в голову, и быстрым шагом начал от них удаляться.

Выйдя из нашего селения, я по уже известному маршруту начал брести вверх по течению реки, пока не дошел до места, где возможно было осуществить переправу на другой берег. В рабочем комбинезоне, с рюкзаком за спиной я принялся переплывать через реку. Переправа заняла у меня минут тридцать времени. Выйдя на берег я снял с себя рюкзак и осмотрел содержимое, импровизированный сверток был туго затянут и не пропустил внутрь не капли воды. Я положил его обратно, и поплелся вдоль берега реки, ожидая когда мои вещи полностью высохнут под лучами дневного солнца. Идти напрямую к заводу я не стал, ибо на данный момент он не являлся моей прямой целью. Я старался идти вдоль берега выйдя на каменистый уступ, а затем пролагать свой путь уже вдоль него, держа курс на трубы, по которым я планировал пробраться внутрь завода. Вначале каменный утес совсем немного возвышался над рекой, но по мере того, как я шел вдоль него он незаметно становился все выше и выше, и вот спустя примерно два часа ходьбы, когда моя одежда уже полностью высохла, я добрался до места, где из него торчали три огромных железных трубы. С этой возвышенности я смог глядеть на наше селения, и на людей которые копошились внизу и казались мне совсем крохотными. Теперь все селение в котором я жил лежало у меня словно на ладо-

ни. Я отошел немного назад и сняв рюкзак достал из него веревку. Теперь осталось додуматься куда же ее привязать. За мной росли деревья и было некое подобие леса, но вот они были расположены довольно далеко, так что длины веревки едва бы хватило на то чтобы привязав ее к дереву, дотянуть до края утеса, не говоря уже о том, чтобы спуститься по ней вниз, а вниз нужно было спуститься метров на шесть не меньше. Оглядев местность получше я увидел в нескольких метрах от утеса, как раз на той плоскости, в которой мне необходимо было произвести спуск, чтобы залезть в трубу, торчащий из земли металлический штырь. Подойдя к нему и осмотрев его, я увидел что он довольно прочно и глубоко уходит в землю. Этот штырь казался тут просто идеальным для того, чтобы вокруг него обвязать веревку и не бояться что она соскользнет. Именно так я и сделал: один конец веревки прочно обвязал вокруг шнура, затем подойдя к утесу скинул другой конец вниз. Веревка идеально свисала вдоль одной из труб, которая была самой большой. Я поднял с земли свой рюкзак, надел его на себя и приготовился к спуску. Утес возвышался над рекой метрах в тридцати, посему я предпочел не смотреть вниз. Крепко взяв в руки веревку, я начал медленно спускаться по ей вниз, веревка была не очень толстая и чтобы уменьшить давление на мои руки, я опирался ногами о каменистый рельеф утеса. Через несколько минут такого спуска, я уже нащупал под своими ногами трубу, на которой и встал, не выпуская из своих рук

веревки. Выйдя на самый край трубы, я лег на нее и заглянул внутрь. Внутри было непроглядно темно, я крикнул и мой крик, улетая куда-то вдаль звонким эхом разнесся по металлическим стенкам. Я встал на корточки, развернулся и осторожно спустил вниз ноги, пытаюсь наступить на нижний край трубы. Дальше держась руками за верхний край, и стоя ногами на нижнем, я постепенно продвигал ноги вперед, до тех пор пока полностью не залез в трубу. Труба была довольно просторная, я мог в ней свободно развернуться и спокойно идти в полуприсяде. Я еще раз громко крикнул вдаль и услышал в ответ лишь далекое эхо. И тут мне стало как то жутко и страшно, от того неведомого и пугающего взора этой смотрящей на меня и уходящей в даль темноты.

Поборов в себе нерешительность и отбросив страхи, я достал из рюкзака сверток с факелами, и развернув его поджог один. Первые шаги давались мне не легко, я не знал что ждет меня там, в дали, и воображение рисовало злобных монстров, и неведомых чудовищ, однако разум мой, отрезвлял мои чувства, понимая, что скорее всего давным-давно, эти места уже предались забвению и запустению, и не впускают в себя и намек на какую либо жизнь, это царство мрака, разрухи и забвения. Так я и шел, борясь с противоречивыми чувствами, шаг за шагом преодолевая пространство вглубь этой, казалось бесконечно длинной трубы. Мой факел ярко освещал проржавевшие стены трубы, и некоторую часть пространства впереди меня, но вдали, как бы быстро

я ни шел, по прежнему зияла зловещая тьма. Я не помню сколько времени я был в пути, казалось около часа, так что первый факел я уже сжег, и принялся освещать свой путь вторым. Но вскоре, мое сознание, было ошеломлено догадкой о том, что возможно эта труба настолько длинная, что и трех факелов может ни хватить, и дойдя до подземного яруса лабораторий, я могу внезапно оказаться без света, и сгинуть в темноте. Такой поворот событий меня не радовал, поэтому я решил потушить факел и бережно экономя свет, шагать в полной темноте, зажигая факел лишь после довольно продолжительного времени. Так я и шел.

В начале пути, около моего уха звуковой фон создавало пламя, с треском пожирающее горящую смолу, теперь же единственным шумом было шарканье моих ботинок и давящая гробовая тишина, подземелья в которое я спускался. Шел я в превеликой осторожности, боясь наступить на что-нибудь нежелательное или провалиться вниз, наступив на проржавевший участок трубы. Я не помню сколько времени я так шел, час или два, но довольно долго, так долго, что меня уже начинали мучить приступы клаустрофобии: мне внезапно начинало казаться, что стенки трубы сужаются и вот-вот меня сдавят, то мне казалось что мне нечем дышать, или в участке где я нахожусь воздух отравлен. Как только у меня случались приступы паники, я тут же зажигал факел и осматривался по сторонам, но нет – все было в порядке. Когда не смотря на экономное использование, мой второй фа-

кел уже почти полностью истлел, внезапно вдалеке я услышал тихое капание воды, как будто бы капля упала вниз с большой высоты в лужу, и хоть звук был довольно тихий, но из-за хорошей слышимости донесшийся, через большие расстояния до моих ушей. Я остановился и прислушался – ничего, «возможно мне показалось», – подумал я. Постояв еще около минуты я двинулся дальше. И тут снова я услышал, разносимый эхом, звон падающей капли, но где-то уже рядом со мной. Определенно, я не ослышался. Достав из рюкзака факел я вновь его поджог, и в тусклом свете, изливаемом горящей смолой, осмотрелся вокруг, но ничего необычного не увидел: только ржавые стенки огромной сточной трубы, уходящие в бесконечную даль. И тут я снова услышал капающий звук где-то слева от меня, повернувшись, я обратил внимание, что в одном месте труба довольно сильно проржавела, настолько, что казалось в месте ржавчины образовалось небольшое отверстие, через которое я мог увидеть, темное пространство, которое бело за трубой. Преподнеся к месту ржавчины факел я явственно увидел что за этой трубой есть некое помещение, но щели от ржавчины били настолько ничтожны, что я едва ли мог видеть что либо кроме темноты. Прикоснувшись рукой к месту изъеденному ржавчиной, я ощутил как истлевший металл рассыпается от моего прикосновения. Тогда я немного развернулся, оперся спиной о стену трубы и ногами со всей мочи толкнул проеденный ржавчиной участок трубы. Внушительный кусок метал-

ла, от удара моих ботинок упал куда-то вниз и огласил грохотом неведомое мне пока что пространство. Присмотревшись к пробоине я увидел, что вышиб ровную четырех угольную поверхность, как раз достаточную чтобы в нее смог пролезть человек. Крепко сжав в руке факел я просунул его в дыру и осветил помещение, которое мне теперь открывалось. А это была совсем небольшая, метров шести комната, с потрескавшимися цементными стенами, и какими то неизвестными научными приборами расположенными по ее периметру. Я пролез в отверстие и спрыгнул вниз. Приземлился я ногами как раз на тот кусок трубы, который я выбил. Поднеся к нему факел и осмотрев его края я еще раз убедился в своей догадке – это была заплатка. На краях металлического куска были запечатлены следы от сварки. Но что все это могло означать? Какая-то секретная комната?

И тут я услышал что-то похожее на тихий гул мотора втягивающего в себя воздух, затем начала слабо мерцать лампа расположенная на потолке, что-то снова где-то загудело, еще несколько мерцающих бликов и внезапно в комнате наладилось освещение, так что я мог видеть все четко и ясно. Я предусмотрительно затушил факел и огляделся. Впереди меня располагалась металлическая, запертая дверь, которая являлась входом в комнату, в моем же случае выходом из нее. Далее по правую руку непонятная электронная панель на половину стены, которая в данный момент еле заметно мигала разноцветными тусклыми огоньками. Внезапно в са-

мом центре комнаты образовалось блеклое свечение, и появилось трехмерное изображение человека в белом халате, на котором была изображена до боли знакомая мне эмблема корпорации Эдельстар. Трехмерное, голографическое изображение было крайне нечетким и несколько раз блеснуло помехами. Кажется система настраивалась. Спустя пару секунд голограмма пришла в действие, ученый заговорил:

««Запись номер 9-10842. Сейчас 13 марта 2042 год. Меня зовут Влад Фюнфбрудер и я руководитель проекта «Сумеречная Звезда». Я надеюсь что мое сообщение получит равнодушный и разумный человек, который найдет верное применение всем материалам, которые он сумеет добыть в этой лаборатории. Если вы смотрите эту запись, значит прошло сто лет или более со времен мировой трагедии, которая готовится и вот вот настанет, и виновником это трагедии отчасти являюсь я. Мы ... мы не одни во вселенной ... они наблюдали за нами очень давно ... они вмешивались в наши дела, они управляли нашей цивилизацией, цивилизацией людей. Мы строили наш мир, думали, что мы выбирали политиков, ходили на работу, заводили семьи, и мало кто догадывался, что по соседству с нами живет враждебная нам инопланетная раса, холодная, расчетливая и коварная, технологически опережающая людей на сотни тысяч лет. Они ведут за нами наблюдение с космической станции «Сумеречная Звезда» Мы для них просто биоматериал ... люди, в нашей цивилизации – это просто лабораторные крысы . Ты-

сячелетиями мы были под наблюдением у враждебной нам инопланетной цивилизации, умело скрывающей свое присутствие на земле, и скрытно проводящей свою волю, они ... они уготовили нам страшную участь. Во истину, коварство пришельцев не знает границ. Главная часть захвата заключается в том, что люди ...»

И тут случился сбой в передаче, свет в комнате на пару секунд погас, затем включился снова, после этого голограмма снова появилось, но трансляция шла со страшными помехами, после этого электричество снова погасло, однако спустя некоторое время голограмма возобновилась но уже в гораздо худшем формате, последние слова которые я разобрал были:

«в лаборатории в секторе С, в моем кабинете, спрятаны копии архивов исследований», после этого свет окончательно потух, и гул работавших генераторов прекратился, я погрузился в кромешную тьму. Я вновь зажег факел. Треск огня нарушила капля упавшая с просевшего бетонного потолка на пол, в образованную там лужу. Я обошел комнату и подошел к железной двери. Однако ручки на ней не было, а было что-то типа электронной панели с цифрами и небольшого отверстия с линзой, которой по видимому выполняло функцию сканера. Вся электроника как я понял, давно уже вышла из строя. Я попытался толкнуть дверь, но она была намертво запечатана. Я пнул дверь и по глухим звукам понял, что сделана она из довольно толстого слоя стали, выбить ее было невозможно. Единственным выходом из этой комнаты

была труба. Я еще раз оглядел комнату, освещаемую тусклым светом факела. Ничего примечательного в ней не было, электронная панель, потухла и более не подавала никаких признаков активности, по углам комнаты были разбросаны, какие-то проржавевшие инструменты, назначение которых определить уже было невозможно. И снова мой взгляд упал на трубу из которой я сюда прибыл. Надо заметить, что вся комната была сделана из бетона, который пока еще держал тест времени однако задняя ее часть, была изготовлена из каких-то других, менее стойких материалов, которые прогнили и развалились и тем самым обнажили трубу из которой я сюда и проник. Еще раз вспомнив про столь легко выбитую мною металлическую заплатку, я приобрел подозрение, что эта труба возможна была задумана и использовалась, как некое подобие черного хода, хотя возможно в прошлом тут просто проходили некие ремонтные работы, которые и сделали мое попадание в эту комнату столь доступным. Однако узнать наверняка мне уже не было дано, посему я решил более тут не задерживаться и полез обратно, решив продолжить мой путь в глубь подземного тоннеля. Я пока не знал, что мне думать по поводу голограммы и ее послания, поэтому весь анализ событий решил отложить напотом.

По началу я полз по трубе с зажженным факелом, разумно рассчитывая на новые сюрпризы, но довольно долгое время ничего интересного не было, меня окружала лишь тишина, и металлическая ржавчина трубы по которой я полз, поэтому

я продолжил свой путь по старой схеме, экономя ресурсы, оставшегося у меня факела. Теперь пока я брел вот так вот, по тьме, в полуприсяде, и прислушиваясь к каждому звуку, я невольно начал строить самые невероятные теории, касательно того что же тут все таки случилось. Определенно, лаборатория принадлежала корпорации «Эдельстар», и видимо, раз я получил столь тревожное сообщение ученого, то видимо тут произошел мятеж, или что-то в этом роде, возможно часть подконтрольного персонала вышла из подчинения, а скорее всего, совершила диверсию, но только вот какую? И каким образом, то что происходило в этой лаборатории могло привести к мировой катастрофе? «Вторжение из космоса», – подобно колоколу звенели эти слова ученого в моей голове. Но как все это понимать?

Пока я думал, над всем этими вопросами, я явно ощутил, как значительно усилился вектор наклона трубы, продвинувшись еще на несколько метров вперед, и поняв что я не ошибся в своих чувствах – труба действительно сильно наклонилась вниз, я зажег факел. Медленно продвигаясь вперед я всматривался в непроглядную даль, и тут увидел, что на самой границе освещаемости труба заканчивалась и вдали виднелось полое пространство. Нерешительно продвигаясь я дошел до конца трубы и просунув вперед факел огляделся. Радиус света заливаемого факелом едва мог охватить все то пространство в котором я оказался, а оказался я в на самом дне какого-то огромного бака, который

скорее всего был резервуаром для воду. Я выбрался из трубы и ступил на дно этого гигантского металлического резервуара, дребезжащий свет, бегая по его стенам, осветил мне лестницу, которая вела наверх. Подойдя к лестнице, я аккуратно хватаясь за перекладины, стараясь не уронить факел, полез наверх. Кажется некоторые металлические крепления у лестницы со временем оторвались и поэтому пока я поднимался наверх, лестница так неприятно скрипела и еле заметно покачивалась. Сумев забраться наверх я оказался на самом краю цистерны и увидел, что лестница вела дальше вниз, в большое помещение. Я начал свой спуск, и спустя пару минут оказался в помещении, похожем на машинное отделение. Вдоль стен этой комнаты проходили трубы небольших размеров, а где-то в дальнем углу виднелась приборная панель, по всей видимости уже давно вышедшая из строя. Обойдя помещение целиком я чудом наткнулся на небольшую железную дверь, которая была не заперта. С опаской открыв дверь и осмотревшись я увидел, что эта дверь вела на выход в коридор, по бокам которого тоже располагались двери. С опаской начал я продвигаться вперед, заглянув в две первые двери я не увидел ничего особенного – просто небольшие складские помещения, разное промышленное неиспользуемое барахло, ржавые инструменты, отпиленные куски труб, промышленные детали неизвестного мне назначения, в общем барахло. Двигаясь дальше по коридору, и зайдя практически в самый его конец, я увидел лифт, но

как и следовало ожидать, не рабочий. Далее за лифтом была лестница. Выйдя на лестничную площадку и осветив все вокруг я увидел надпись 8, видимо я был на восьмом этаже. Лестница вела вверх и вниз. Я попробовал подняться выше, и странное дело, только я вступил на ступеньки, как увидел на стенах пулевые отверстия – видимо тут стреляли. Поднеся факел поближе к стенам я увидел, что пулевые отверстия были тут повсюду и целые куски бетона были выломаны, видимо стрелявшие не жалели патронов. Я дошел до места где лестница выходила на этаж выше и уже увидел цифру 7, как тот час же под ногами увидел горы крупных цементных кусков, которыми был устлан весь пол, а подняв глаза выше я увидел, что выход на седьмой этаж был полностью завален, видимо тут был взрыв, да такой силы, что стены и потолок обвалились, и обрушившись создали непроходимый завал из обломков. Вполне возможно, что все верхние этажи лаборатории были полностью уничтожены, и уцелеть после взрыва, который тут произошел, смогли только нижние ярусы. Однако треск смолы, горящей на моем факеле напомнил мне, что времени на раздумье у меня совсем не оставалось и я решительным шагом зашагал вниз. Спустившись на восьмой этаж двинувшись вниз, я естественно ожидал что внизу будет этаж номер девять, но как же я был удивлен, когда вместо девятки увидел букву «С». «Неужели это и есть тот сектор С о котором говорил ученый на голограмме?» – спросил я себя, и в полной уверенности что я близок к цели которую ищу,

двинулся вниз по направлению к коридору, в которые вела лестница. Стоя у распахнутой железной двери я обнаружил, что этот этаж был последним и лестница тут прерывала свой путь вниз. Я потянул ручку двери на себя и сделал первые нерешительные шаги внутрь. И только я ступил внутрь этого коридора, как холодный мороз жуткого страха пробежал по моей коже. О, да! Определенно да! Это был он! Это был именно тот коридор из моего сна! Стены металлические, со слегка серебристым оттенком, и на потолке отверстия, где когда-то располагались лампочки. Точно! Это был именно тот коридор. Превозмогая дикий страх я двинулся вперед. О, как же я хотел, чтобы той двери, которую я видел во сне, тут не было, и в конце коридора был бы тупик. Но нет, худшие мои предчувствия сбылись – в конце коридора виднелась та самая стальная дверь. У меня перехватило дыхание, ведь я явственно помнил тот голос, который предупреждал меня. Но что мне оставалось делать? Повернуть обратно и забыть о том пути, который я проделал? Ни за что! Я двинулся вперед! И будь, что будет подумал я.

Шагая по этому зловещему коридору, и прислушиваясь к каждому шороху, я невольно подумал что я попал в пасть к тигру и уже ни за что мне не выбраться отсюда живым. Как только я подошел к двери на расстояние в два метра, что-то сработало, по видимому датчики движения и дверь, как будто бы ожила, замигав разноцветными огоньками. Я подошел поближе и рассмотрел дверь, она была сделана из прочной

стали, и основательно была вмонтирована в такие же прочные стальные стены коридора. Казалось что такая прочная конструкция могла бы выдержать ядерный взрыв. По всему было понятно, что за этой дверью скрывается что-то очень важное, что-то колоссальное и имеющее огромное значение. Но только вот что? И как мне открыть эту дверь?

Внезапно я поймал на своей спине чей-то пристальный взгляд. Я резко обернулся и всмотрелся в глубь темного коридора откуда я пришел. Освещение факела было просто ужасное, и горел он не так ярко, как в начале, поэтому я едва мог видеть дальше нескольких метров от меня, а дальше была тьма, ужасающая и пугающая, смотрящая на меня тысячей хищных глаз. «Нет», – одернул я себя «наверное у меня паранойя, кто в этом месте может за мной наблюдать?». Снова повернул я голову к двери и начал пристально ее осматривать, вот сбоку от двери я увидел встроенную в стену мерцающую панель. Как только я поднес к ней руку, панель среагировала и на ней отобразилась надпись: «Для активации требуется чип С25», и тут в самом верху двери загорелась желтая лама, и по мне прошелся сканирующий красный луч лазера, затем раздался резкий неприятный звук, и лампа загорелась красным светом. «Для активации требуется чип С25», – снова высветилось на встроенной в стену плазменной панели.

Видимо вход мне был закрыт системой защиты. Я остановился в нерешительности, и думал что же мне делать даль-

ше, как снова ощутил на себя неприятное чувство, чьего-то взгляда. «Пора убираться отсюда», – дал я себе команду и тут же развернувшись пошел по направлению к лестнице, прочь от этой зловещей двери. И только я вступил в дверной проем ведущий на лестницу, как я услышал наверху непонятное гроыхание, и тут же откуда то сверху, прямо передо мной упал небольшой цементный блок, как раз один из тех блоков, которыми был завален путь наверх. Теперь уже не оставалось сомнений – я тут был не один. И сейчас в сотую долю секунды я должен был принять решение. Я замер от холодного страха, и время, как будто бы замерло вместе со мной, предо мной пронеслись два варианта: либо поддаться панике и ринуться обратно к стальной двери, но тут я бы оказался в ловушке, либо, учитывая, что кто-то был сверху в районе седьмого этажа, напрячь все свои силы и ринуться на восьмой этаж и сделать все возможное чтобы добежать до трубы и надеяться что при это не столкнешься лицом к лицу с этим враждебным объектом. Понимая, что только второй вариант может дать на спасение, я напряг все силы и что было мочи побежал по лестнице наверх. Во истину теперь доли секунды решали мою судьбу. Пока я бежал по ступенькам, факельный огонь сильно колыхался и казалось готов был потухнуть, но в то же время я не мог сбавить темпа бега, ибо до моего уха уже доносились шаги, по лестнице, издаваемые этим неведомым существом, и теперь вопрос был в том, кто раньше доберется до восьмого этажа. Пробежав первый лестничный

поворот я чуть было не упал, но вовремя схватился за перила, с еще больше силой бросился бежать наверх. Добежав до площадки восьмого этажа, боковым зрением, в тусклом свете факела, я смог увидеть огромную темную, фигуру спускающуюся по лестнице вниз, и отстающую от меня на пару шагов. Я ринулся в дверь, и вбежал в коридор машинного отделения. В этот самый момент, зловещая фигура была за моей спиной и мне даже показалось, что это существо протянуло руку, пытаясь меня схватить, но лишь слегка коснулось моей шеи. Теперь я бежал со всей мочи, не видя и не слыша ничего вокруг. Вбежав в комнату с резервуарами для воды, я кинулся к спасительной лестнице и задыхаясь от страха и усталости стал на нее вскарабкиваться, моя голова кружилась, а сердце колотилось с бешеной скоростью, но тем не менее я сохранял самообладание и крепко держал в руке факел. Вскрабкавшись на цистерну, и находясь на самом ее краю и уже готовый спуститься вниз и убежать в спасительную трубу, я окинул взглядом помещение в котором находился, но из за крошечной тьмы видно ничего не было. Бросив беглый взгляд вниз на лестницу и прислушавшись, я убедился что за мной погони нет, преследователь как будто бы исчез или затаился где-то, тогда я что было силы бросил факел вниз, ориентировочно по направлению к двери, которая вела в коридор. И вот тогда то когда факел приземлился на пол я увидел его. Я верно рассчитал с броском, факел упал прямо у двери ведущей в коридор, и в самом его проеме стояла фигу-

ра облаченная в балахон черного цвета, сделанный казалось даже не из ткани а из самой темноты, под самыми его ногами валялся брошенный мною факел, дребезжащим тусклым светом освещая моего преследователя. Я внимательно в него взгляделся, хоть на голову этого существа был накинут капюшон и лица не было видно, но я чувствовал, что оно с ненавистью смотрит прямо на меня. Да, именно оно, потому что ничего человеческого в этой сущности не было, от нее веяло ужасом. Несколько мгновений продолжалась эта немая сцена, но тут существо резким движением ноги наступило на догорающий факел и все пространство вокруг погрузилось во тьму. Я вскрикнул от страха, и казалось, ошеломленный, не мог пошевелиться. На секунду воцарилась гробовая тишина. Но тут же раздались шаги, «шерк, шерк,» – стучали ботинки о цементный пол, – оно шло в мою сторону. Оцепеневший, я казалось не мог пошевелиться и даже о чем-то думать, но снова безошибочный инстинкт самосохранения заставил меня действовать. Молниеносно я начал спускаться по лестнице на дно цистерны и когда я уже был внизу начал лихорадочно щупать стены желая найти трубу, но все было тщетно, я не кажется совсем дезориентировался в кромешной тьме, затем рефлекторно потянулся в карман за спичками и трясущимися руками схватил несколько штук и поджог. Признаться, страх внезапно увидеть прямо рядом с собой, в освещенном пространстве эту зловещую фигуру в балахоне, был огромен, но три зажженные спички освети-

ли дно цистерны, и я был счастлив видеть что я тут один и труба находится от меня на расстоянии вытянутой руки. Резким движением я рванулся в трубу, уцепившись руками за отверстие я вскарабкался внутрь и что было силы начал продвигаться вперед. Так в полуприсяде я бежал около часа, даже боясь оглянуться назад, пока спина полностью не онемела и я не упал от усталости. Наконец-то лежа я смог разогнуться. Успокоив дыхание и прислушавшись я кажется ничего не услышал кроме лихорадочного биения своего сердца. «Неужели отстал», – спросил я себя. Но не давая себе времени на раздумья, а уж тем более на отдых, поднялся и вновь продолжил путь к выходу. Все оставшиеся часы пути – а сколько я так перебирался, трудно сказать, два часа, три, а может и пять, сказать очень сложно – я позволил себе отдышать лишь раза два или три, и только тогда когда отекая спина причиняла чудовищную боль и ноги уже заплетались. Либо желание жить, либо страх умереть, либо то и другое одновременно, заставляли меня выложиться на пределе моих человеческих возможностей, и поэтому, когда я увидел в конце трубы свет уже заходящего солнца, я был еле живой. С отекающей спиной и ногами сводимыми судорогой, я кое как дополз до выхода из трубы. Я с великим облегчением, торжествуя и радуясь тому, что я остался жив высунул наружу голову и с наслаждением и упоением вдохнул свежий воздух – как же это было прекрасно снова увидеть изумительный по своей красоте закат солнца, и ощутить себя в полной без-

опасности. Но пора было уходить, и вот вылезти из этой трубы было и вскарабкаться обратно на склон было, как я оценил, гораздо сложнее, чем залезть внутрь. Я немного осмотрелся по сторонам, затем зацепился руками за верхнее основание трубы, оттолкнулся ногами и начал вскарабкиваться вверх, как вдруг внезапно от сильной усталости у меня закружилась голова и я оступился и сорвался вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.